ОГОНЁК
№ 48 НОЯБРЬ 1955
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 48 (1485) 27 НОЯБРЯ 1955

33-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПРЕБЫВАНИЕ Н. А. БУЛГАНИНА и Н. С. ХРУЩЕВА В ИНДИИ

20 ноября президент Республики Индии Раджендра Прасад устроил большой прием в честь председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина и члена Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущева. На снимках: член Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущев, председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин, премьер-министр Республики Индии Дж. Неру и президент Республики Индии Раджендра Прасад в саду президентского дворца.

Фото специального корреспондента «Огонька» Дм. Бальтерманца.

«ИНДИЙЦЫ И РУССКИЕ — БРАТЬЯ»

Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев прибыли в город Агру. Встреча на аэродроме.

На приеме у президента Республики Индии. Раджендра Прасад знакомит Н. А. Булганина с гостями.

Пребывание товарищей Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева в Индии вылилось в могучую демонстрацию растущей и крепнущей дружбы между двумя великими народами — Индии и СССР. В день приезда советских руководителей приветствовало около миллиона жителей столицы и прилегающих к ней районов. Индийские власти тщательно подготовились к встрече почетных гостей. Маршрут их поездки по стране, рассчитанный по минутам, широко известен из газет и специально выпущенной брошюры. Поэтому, где бы ни появились открытые машины с правительственной делегацией СССР, ее всюду встречают восторженные приветствия сотен тысяч индийцев. «Индийцы и русские — братья»,— эти слова повторяют сегодня миллионы индийцев.

19 ноября в честь пребывания Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева от имени граждан Дели был устроен «Гражданский прием» —

Свыше полумиллиона жителей Дели собралось на площади Рамлила, чтобы приветствовать советских руководителей.

массовый митинг на площади Рамлила. Председательствовал премьер-министр Республики Индии Дж. Неру. Председатель муниципалитета города Дели Агарвал зачитал приветственный адрес, преподнесенный гражданами Дели. Н. А. Булганин и Дж. Неру выступили с речами.

В тот же день Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева принял президент Республики Индии Раджендра Прасад.

20 ноября Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев и сопровождающие их лица осмотрели древний город Агру, а на следующий день посетили парламент Республики Индии.

Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев выступили с речами на совместном заседании Народной палаты и Совета штатов.

Вечером 21 ноября Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев начали поездку по стране, отбыв специальным поездом в район строительства гидроэнергетического комплекса Бхакра — Нангал.

ГРАЖДАНЕ ГОРОДА ДЕЛИ
ПРИГЛАШАЮТ ВАС НА
ГРАЖДАНСКИЙ ПРИЕМ
В ЧЕСТЬ
ИХ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
Г-НА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА БУЛГАНИНА
И
ЧЛЕНА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
Г-НА НИКИТЫ СЕРГЕЕВИЧА ХРУЩЕВА
ПРИЕМ СОСТОИТСЯ В 4-Х ВЕЧЕРА В СУББОТУ
19 НОЯБРЯ 1955 ГОДА НА ПЛОЩАДИ РАМ ЛИЛА
ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ ПРЕМЬЕР МИНИСТРА ИНДИИ
ШРИ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ

दिल्ली के नागरिकों की ओर से
परम श्रेष्ठ श्री निकोलाइ एलेक्सान्द्रोविच बुल्गानिन
परम श्रेष्ठ श्री निकिता सेर्गेईविच ख्रुश्चेव

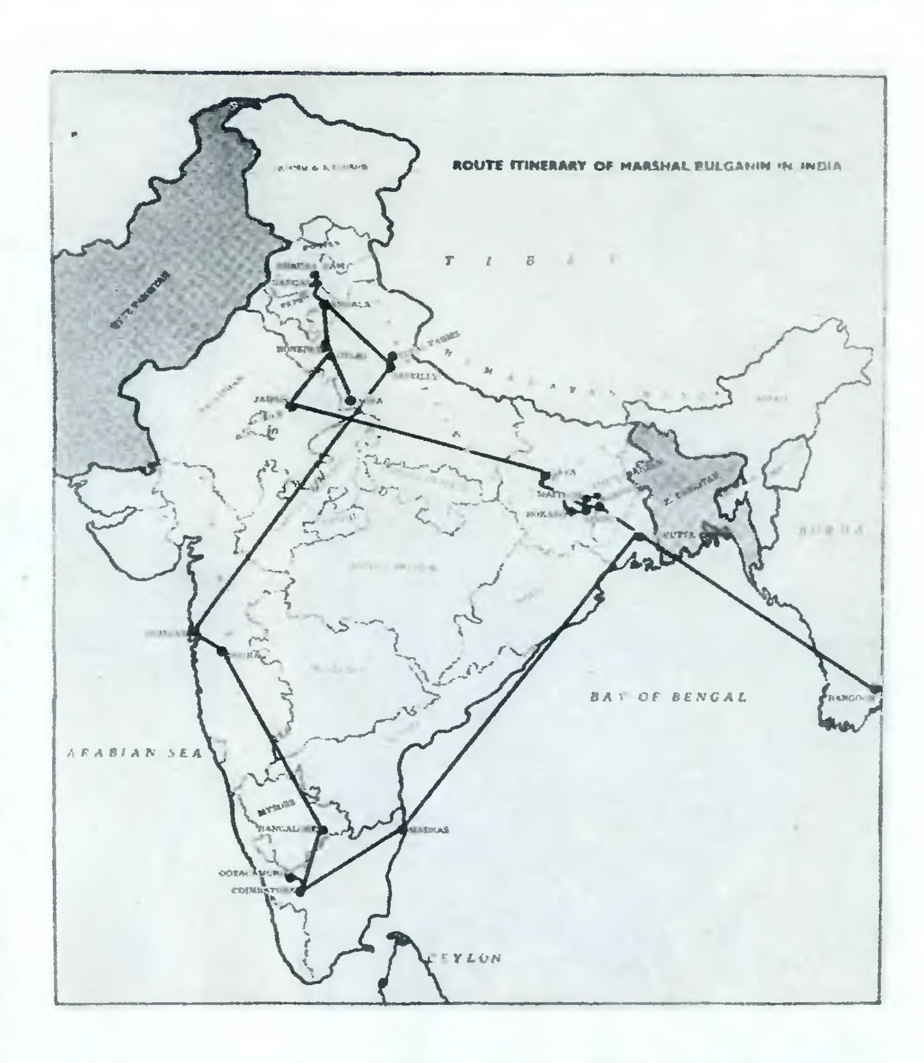
Пригласительный билет на митинг в Дели.

«Гражданский прием» в Дели. На трибуне.

После осмотра Тадж-Махала.

Губернатор штата Уттар-Прадеш К. М. Мунши устроил завтрак в честь Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева. На завтраке советским руководителям были преподнесены подарки.

Во время встречи в городе Агре. Среди подарков, которые преподнесли жители Агры Н. А. Булганину и Н. С. Хрущеву, были национальные головные уборы.



В специально изданной к приезду Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева «Программе поездки по Индии» напечатана карта с обозначением маршрута и городов, где должны побывать высокие гости.

АХМАД АББАС,
индийский писатель

Тот, кто хочет видеть, заметит красоту, силу и культуру страны даже за пять минут из окна гостиницы. Но, конечно, кто не желает видеть или старается найти только то, чего ищет, тот не увидит ничего, даже если потратит полгода и проедет по стране тысячи километров, вооруженный очками в роговой оправе, фотоаппаратами, биноклями, даже микроскопом!

Я помню до сих пор мое первое утро в Москве. Наш самолет приземлился в полночь. В аэропорте деятели советского кино устроили индийской делегации кинематографистов сердечную встречу. Около трех часов ночи мы уснули в гостинице. Внезапно мой сон был прерван звуками, напоминающими глухое металлическое урчание танков. Включив лампу, стоявшую около кровати, и набросив платье, я подошел к окну, смутно ожидая увидеть на московских улицах колонну закованных в броню, ревущих военных машин. Ночные маневры? Подготовка к войне?

Но когда я раздвинул занавески, оказалось, что уже день, хотя солнце скрывалось за серой завесой облаков. Моросил мелкий дождь. И внизу мчались не танки и не тяжелая артиллерия, а грузовики.

Грузовики, нескончаемый поток грузовиков, открытых и с тентом, груженных камнем, цементом, кирпичами, железными прутьями и балками, строевым лесом и досками. На нескольких машинах стояли подъемные краны. В кузовах машин — мужчины и женщины в спецовках, очевидно, каменщики, плотники, строители, направляющиеся на работу.

Я подумал, что много еще таких же, как они,— сотни и сотни людей — едут в эти минуты в грузовиках по городу: из окна моей комнаты на четвертом этаже я вижу, как до самого горизонта гигантские краны, словно стальные жирафы, вытянули вверх свои длинные шеи, отмечая собой сотни или, может быть, тысячи строек, где вырастают новые многоэтажные здания.

Я сказал себе, любуясь этой панорамой: кто, находясь в здравом уме, начнет такое грандиозное строительство, если готовится к войне или хотя бы ожидает ее? Мне захотелось подвести к окну кого-нибудь из мрачных пророков «холодной войны» и показать ему эти грузовики, громыхающие по московским улицам, эти краны, неутомимо поднимающие строительные материалы на головокружительную высоту, этих людей, радостно встречающих утро трудового дня.

Это было год назад. Теперь я снова в Москве и стою у другого окна другой гостиницы. Отсюда мне видны стены и высокие розовые остроконечные башни Кремля, вонзившиеся в темносерое небо. Под историческими стенами я вижу длинную очередь людей, терпеливо стоящих под мелким дождем. Среди них рабочие московских заводов, колхозницы с белыми косынками на головах, студенты, школьники... Вот становится в конец очереди старик с толстовской бородой, человек на костылях, с медалями, блестящими на отвороте синего пиджака, маленькая девочка, ухватившая за руку свою мать. Подходит молодая пара... Люди терпеливо ожидают минуту, когда они вступят под своды Мавзолея В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Какие мысли, какие побуждения привели эти тысячи в очередь, что растянулась по всей огромной Красной площади? Можно ли представить себе более непосредственное, более искреннее человеческое чувство? В строгом, из черного с красным гранита. Мавзолее покоятся те, кто для всей этой массы людей, для всего народа навсегда останутся живыми, увековеченные своим великим трудом на народное благо.

...Сейчас 11 часов ночи. Несколько минут назад я вернулся в гостиницу и поднялся на четвертый этаж в лифте. Им управляла молодая женщина, читавшая какой-то иллюстрированный журнал, видимо, юмористический: она чему-то улыбалась даже тогда, когда закрывала дверь и нажимала на нужную кнопку, не отрывая глаз от страниц.

Выйдя на этаж, я получил ключ у другой молодой женщины, погруженной в чтение поэм Пушкина. А теперь я снова сижу у окна; кремлевские башни вырисовываются неясными силуэтами, и только большие красные звезды на их вершинах ярко сияют на черном бархате неба. Внизу, на мостовой, в поток прохожих с двух сторон вливаются все новые толпы.

Я знаю, что со стороны Большого театра идут зрители; они, должно быть, обсуждают только что просмотренный балет «Лебединое озеро». Это не толпа пресыщенных завсегдатаев в цилиндрах и белых перчатках. Это люди другого класса — рабочие и мастера из цехов, паровозные машинисты, учителя, студенты и врачи, инженеры, продавцы магазинов. У москвичей любовь к опере и балету в крови. И замечательный Большой театр существует теперь для них, только для них, а не для аристократов и коммерсантов царских времен.

Много в толпе молодежи — юношей и девушек, с сумками или книгами подмышкой. Они возвращаются из вечерних школ рабочей молодежи. Они где-нибудь работают — на заводе, или в мастерской, или в универмаге,— но каждый вечер они изучают математику, физику, литературу, иностранные языки. Как и все молодые люди, они оживлены и веселы; они сбиваются в шумные группы у автобусной остановки, прямо под моим окном.

Но вот еще один поток людей — из театра кинохроники, где сегодня показывали документальный фильм о советской электростанции, на которой электричество вырабатывается с помощью атомной энергии. Я представляю себе, с каким оживлением обсуждают эти люди только что увиденное. Гомон многих голосов едва доносится до меня, и мне, разумеется, не разобрать, кто толкует о танце Майи Плисецкой, кто пересказывает взгляды Маркса на капиталистические кризисы, кто цитирует Пушкина и кто объясняет устройство атомных реакторов. Но нет никакой нужды уточнять. Все это советские люди; они интересуются всем, будь это философия, или поэзия, балет, атомная энергия!

Передо мной проходят одна за другой картины советской жизни. И красные звезды на кремлевских башнях гордо сияют в вышине.

Много жизненной правды можно увидеть за час, за пять минут, даже за минуту. Но для этого должно быть открытым окно не только в комнате, но и в уме и в сердце!

Октябрь, Москва.

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ ЗАВОД В ИНДИИ

Индия. Штат Мадхья-Прадеш. Между городами Друг и Райпур на небольшом плато разместилась станция Бхилаи, а вокруг приткнулось несколько маленьких селений. Ничем не примечательные, мало кому известные, они могли бы тихо и скромно просуществовать еще не один век, но судьба уготовила им другую участь: скоро селения исчезнут, и на их месте будет построен новый государственный металлургический завод. Деревушек этих, однако, не забудут, их всегда вспомнят, когда будут рассказывать историю возникновения в стране этого крупного металлургического предприятия.

Завод, как известно, будет строиться с помощью Советского Союза. В беседе с корреспондентом «Огонька» исполняющий обязанности начальника управления внешних сношений Министерства черной металлургии СССР Н. Н. Капорулин рассказал:

— В «Гипромезе» закончен технический проект индийского завода. В конце года в Индию выедет большая группа советских специалистов для представления проекта правительству Республики Индии на утверждение.

Завод будет иметь полный металлургический цикл, то есть выпускать чугун, сталь и прокат. Планом предусматривается возможность в случае надобности значительного увеличения запроектированной производительности завода.

По технологии производства и оборудованию завод будет полностью отвечать всем современным требованиям. В проекте предусмотрены важные технические новшества, которые с успехом применяются на наших предприятиях. В частности, предусматривается работа доменных печей на дутье постоянной влажности и с повышенным давлением газа на колошнике.

В мартеновских печах намечается использование кислорода. В результате тщательных изысканий строительная площадка под завод выбрана у станции Бхилаи как наиболее пригодная. Сырьевая база — рудное месторождение Далли — Раджехара — находится всего в ста километрах от площадки завода. Сравнительно недалеко, в двухстах километрах, расположена и одна из топливных баз: крупное месторождение углей — Корба.

Совсем близко имеются большие залежи известняка и доломита. Рядом с площадкой будущего завода проходит магистральная железная дорога Калькутта — Бомбей. Строится завод в одной из центральных провинций республики. Все это делает вполне рентабельной транспортировку его продукции во многие районы страны.

Климат в штате Мадхья-Прадеш очень жаркий. Летом температура воздуха доходит до сорока и больше градусов в тени. Это обстоятельство учтено при разработке проекта завода.

На стройплощадке уже ведутся подготовительные работы, в частности, сооружаются жилые дома для советских и индийских специалистов, а также дома для жителей тех селений, которые скоро будут снесены.

Индийским правительством уже назначены начальник строительства и его будущий директор. Советский инженер Н. Г. Кратенко будет главным инженером и заместителем начальника строительства. После утверждения проекта индийским правительством с весны 1956 года можно будет широко развернуть и основные работы по сооружению завода.

Квалифицированными рабочими кадрами завод обеспечивается на месте. Большую помощь в подготовке кадров командного состава окажут предприятия Советского Союза.

Новый металлургический завод в Индии сыграет большую роль в индустриализации и развитии экономики республики.

Советские и индийские специалисты наблюдают за буровыми работами на строительной площадке в районе железнодорожной станции Бхилаи.

Конгресс мэров столиц во Флоренции открылся речью мэра Флоренции Джорджо Ла Пира.

МОСКВА-ФЛОРЕНЦИЯ-ЛОНДОН

Беседа с председателем Исполкома Моссовета М. А. Ясновым

— Когда нам стало известно о предложении мэра Флоренции Джорджо Ла Пира созвать конгресс мэров столиц,— рассказывает М. А. Яснов,— мы с большим удовольствием приняли это предложение.

Конгресс проходил в начале октября во Флоренции, в известном Палаццо Веккио. Здесь собрались мэры Дели, Бомбея, Белграда, Варшавы, Хельсинки, Бонна, Праги и ряда других городов. Всего было 37 представителей крупнейших столиц мира. Все мы получили возможность в спокойной, деловой обстановке, полной доброжелательности, обсудить вопросы, волнующие сегодня миллионы людей во всех уголках земного шара.

Цель конгресса состояла в том, чтобы найти новые пути для сохранения и укрепления мира, установить взаимопонимание и доверие между различными странами.

Все мы, участники конгресса, были признательны мэру Флоренции за его прекрасную инициативу, которая помогла нам установить новые полезные контакты.

Некоторые цифры о строительстве в Москве, которые я сообщил в своем выступлении, поразили участников конгресса. Не раз ко мне подходили мэры разных городов и переспрашивали:

— Неужели Москва получит в нынешнем году миллион квадратных метров новой жилой площади? Неужели десятки новых школ построены только в этом году? Это именно так?

— Именно так.

Бывало, что незнакомые люди подходили к нам и спрашивали: «Что нового в Москве?» Одного интересовал театр, другого вопросы городского транспорта в Москве, а многие подходили, чтобы просто оказать нам, москвичам, внимание, по-дружески пожать руку и выразить свои наилучшие пожелания.

Это дружеское расположение и внимание мы ощущали на каждом шагу, особенно со стороны флорентийцев и их мэра господина Ла Пира.

Мы спросили М. А. Яснова, не высказывал ли Ла Пира желания приехать в Москву.

— Мы надеемся,— ответил М. А. Яснов,— что в ближайшее время он будет нашим гостем. Мы его пригласили, и он принял наше приглашение.

— Какие же решения принял конгресс мэров?

— Конгресс принял резолюцию, призывающую людей, ответственных за судьбы народов, отказаться от решений международных разногласий путем войны и решать их в духе сотрудничества, прибегая только к мирным переговорам. Конгресс высказался также за то, чтобы плодотворные контакты между различными странами расширялись и укреплялись.

— Ваша последующая поездка в Лондон, таким образом, вполне соответствовала духу конгресса?

— Да, так можно сказать. После визита лорд-мэра Лондона сэра Сеймура Говарда в Москву отношения между Моссоветом и руководителями муниципальных органов Лондона стали более сердечными.

— Приходилось ли вам присутствовать на заседаниях муниципального совета Лондона?

— Да. Наша делегация была приглашена на одно из рабочих заседаний. Участники заседания тепло приветствовали делегацию Моссовета. Сэр Сеймур Говард обратился к нам с речью. Он говорил об искреннем желании народа Великобритании жить в мире и дружбе с советским народом, о той радости, какую он испытывает в связи с приездом делегации Моссовета. Повсюду мы встречали радушие и гостеприимство. За то время, что мы провели в Лондоне, нам удалось познакомиться с достопримечательностями английской столицы, ее огромным хозяйством. Мы побывали на стройках жилых домов, на заводах, фабриках, в школах, институтах, осматривали спортивные сооружения. Мне особенно хочется отметить ту благородную работу, которую проделал сэр Сеймур Говард для укрепления дружественных связей между Москвой и Лондоном.

Нам удалось установить дружеский контакт с Советом Лондонского графства и познакомиться с его председателем сэром Норманом Причардом. Он охотно принял приглашение посетить Москву, и мы надеемся, что дружба между Москвой и Лондоном еще более укрепится после этого визита.

Далее М. А. Яснов рассказал о посещении Бирмингема и Вулверхемптона. В те дни, когда делегация Моссовета посетила эти английские города, местные газеты много писали о значении подобных визитов. Общий тон статей был дружественным.

— Английские журналисты могут быть точными и объективными, когда они хотят,— сказал М. А. Яснов.— Очевидно, идея установления дружественных контактов между советскими и английскими городами пришлась им по душе. Такое отношение следует лишь приветствовать.

На вопрос о том, что ему понравилось в Лондоне, М. А. Яснов отвечал:

— Англичане — хорошие строители. Их дома просто и хорошо отделаны и, главное, очень удобны. Я хотел бы отметить также успехи, достигнутые в политехническом обучении школьников, хорошие спортивные сооружения и, наконец, отлично организованное, несмотря на узкие улицы, движение городского транспорта.

Самим важным для нас были те сердечность и теплота, с которыми руководители муниципалитета Лондона и сами лондонцы встретили делегацию Моссовета. Все лондонцы, с которыми нам приходилось беседовать, просили нас передать привет и лучшие пожелания москвичам. Я хотел бы воспользоваться благоприятным случаем и через журнал «Огонек» сделать это.

Посетившая Советский Союз Албанская парламентская делегация во главе с председателем Народного собрания Народной Республики Албании Гого Нуши присутствовала в Большом театре СССР на балете «Жизель». По окончании спектакля гости прошли на сцену и тепло благодарили артистов. **На снимке:** Гого Нуши приветствует артистку Р. С. Стручкову.

Фото В. Мастюкова (ТАСС).

ПО ЗАЛАМ МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ

Извѣстія Московскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ.

№ 1. 7 декабря 1905 года. № 1.

со среды, 7 декабря, съ 12 час. дня всеобщую политическую стачку и стремиться перевести ее въ вооруженное возстаніе.

В дни, когда вся страна готовится отметить пятидесятилетие Декабрьского вооруженного восстания в Москве, особенно многолюдно в Музее революции, у стендов, материалы которых освещают ход восстания.

Здесь экспонируется пожелтевший от времени оригинал первого номера «Известий Московского Совета рабочих депутатов» от 7 (20) декабря 1905 года. В газете напечатан текст принятого накануне постановления Московского Совета: «...Объявить в Москве со среды, 7 декабря, с 12 час. дня всеобщую политическую стачку и стремиться перевести ее в вооруженное восстание».

Ровно в 12 часов дня под протяжные гудки фабрик, заводов, паровозов рабочие бросали работу. Пролетарии Симоновской слободы, Пресни и других районов Москвы, железнодорожники Московского узла, всего свыше 100 тысяч человек, единодушно начали забастовку. Их поддержали рабочие Самары, Ярославля, Нижнего Новгорода, Екатеринослава и ряда других городов.

Рабочие Москвы заготовляли оружие, разоружали городовых, громили оружейные магазины. Генерал-губернатор Дубасов объявил Москву и губернию на чрезвычайном положении и, не надеясь на собственные силы, запросил военные подкрепления из Петербурга.

Вечером 7 декабря полиция, предупрежденная провокатором, арестовала руководящих работников московской большевистской организации.

Картина художника В. Д. Поленова «Сад «Аквариум», написанная в тот период, запечатлела место массовых собраний московских рабочих. Именно здесь, пытаясь террором приостановить рост революционного движения, московские власти вечером 8 (21) декабря совершили вооруженный налет на митинг рабочих.

Вечером 9 (22) декабря у сада «Аквариум» на Большой Садовой и на площади Триумфальных ворот появились первые баррикады. В течение 10 декабря баррикады покрыли всю Москву. Большая серия фотографий запечатлела улицы Москвы тех дней. На Бронных, Арбате, Лесной, Большой Никитской, на Кудринской площади и особенно на Садовых улицах рабочие Москвы с женами и детьми сооружали из мебели, спиленных телеграфных столбов, опрокинутых вагонов конки и трамваев заградительные сооружения. На этих баррикадах 8 тысяч героев-дружинников, поддержанных всем московским пролетариатом, в течение девяти дней вели самоотверженную борьбу с царскими войсками.

Посетители музея знакомятся с адресованным в Петербург письмом А. М. Горького. Великий пролетарский писатель, находившийся в то время в Москве, восторженно описывал героизм рабочих: «...сейчас пришел с улицы. У Сандуновских бань, у Николаевского вокзала, на Смоленском рынке, в Кудрине — идет бой. Хороший бой! Гремят пушки... Большой успех! На улицах всюду разоружают жандармов, полицию... Рабочие ведут себя изумительно!»

На большом щите — подлинное оружие московских дружинников. В основном это самодельные пики и кинжалы. Здесь же чугунные оболочки бомб — «македонок», изготовленных в тайных рабочих мастерских. Особый интерес вызывает револьвер «бульдог», принадлежавший М. В. Фрунзе, участвовавшему в московском восстании.

В. И. Ленин дал высокую оценку подвигу московских рабочих. Внимательно рассматривают посетители газету «Пролетарий» от 29 августа 1906 года со статьей Владимира Ильича «Уроки московского восстания».

Экспозиция завершается текстом замечательного письма В. И. Ленина к рабочим Красной Пресни 25 декабря 1920 года:

«Незабвенный героизм московских рабочих дал образец борьбы всем трудящимся массам России...

Подвиг пресненских рабочих не пропал даром. Их жертвы были не напрасны. В царской монархии была пробита первая брешь, которая медленно, но неуклонно расширялась и ослабляла старый, средневековый порядок...

После декабря это был уже не тот народ. Он переродился. Он получил боевое крещение. Он закалился в восстании. Он подготовил ряды бойцов, которые победили в 1917 году...»

В. АНГАРСКИЙ,
З. БОГРАД

Баррикады из конок на Лесной улице

Демонстрация на Триумфальной площади 7 декабря 1905 года.

ВОССТАНИЕ В РОСТОВСКОМ ПОЛКУ

В начале декабря 1905 года взоры всей Москвы приковали к себе Спасские казармы. С утра 3 декабря, как сообщала газета «Жизнь», «перед Спасскими казармами, по Садовой, где размещен Ростовский полк, целый день стояла толпа. Но у ограды полкового двора и при входе стоит целая цепь часовых с ружьями, с вольноопределяющимися во главе, и часовые не пропускали никого внутрь». Когда в полк приехал командир дивизии генерал-лейтенант Павловский, то и ему часовые преградили путь. Ни угрозы, ни просьбы не оказывали на часовых никакого влияния. Они, как и солдаты всего Ростовского полка, подчинялись теперь своему солдатскому комитету, единодушно избранному на митинге 2 декабря.

По требованию солдат были освобождены их товарищи, недавно арестованные командиром полка Симанским. Офицеров устранили от управления полком, а их место заняли рядовые, избранные от всех рот.

О восставшем Ростовском полку сообщал корреспондент газеты «Жизнь»: офицеры ни во что «не вмешиваются и не допускаются в батальонные помещения... по ротам назначены новые фельдфебели. Жизнь в полку течет обычным путем. Всюду назначены наряды, караулы, у денежного ящика караул усилен. Некоторые наряды, обычно назначаемые, но признанные комитетом излишними, отменены... Чтобы предупредить возможность усмирения полка вооруженной силой, в окнах казарм поставлены на позицию четыре пулемета».

Восстание солдат Ростовского полка московские рабочие встретили с величайшей радостью. Большевистская газета «Вперед» рассказывала, что «в субботу на митинге в Введенском народном доме (до 1 500 рабочих) было доложено о положении дел среди солдат Ростовского полка. Известие было принято восторженно, и митинг при бурных аплодисментах решил выбрать от себя и послать в Ростовский полк двух делегатов для выражения восставшим солдатам полной солидарности от лица всех собравшихся рабочих и готовности в нужный момент стать на защиту выставленных солдатами требований».

3 декабря на митинг в восставший полк Московский комитет РСДРП направил З. Литвина-Седого. Позже этот видный руководитель московских рабочих рассказывал: «Вспоминается митинг в Ростовском полку. Мрачные Спасские казармы. Серый коридор, кругом — угрюмые лица солдат. Пропустили меня легко, прошел через вонючие коридоры, стал ждать, покуда соберутся люди. Пришел разводящий — молодой вольноопределяющийся.

— Вы большевик?— спросил он и, получив ответ, дружески улыбнулся...

Вот и мрачный третий этаж. Воздух несколько чище. Солдаты стоят, сидят, в руках винтовки. Начал говорить. Молча, размышляя, слушали меня солдаты. Впервые услышали они в своей мрачной тюрьме — казарме — свободное большевистское слово. Окончил. Солдаты стали закидывать меня вопросами. Я обещал придти снова, если будет еще митинг».

Однако революционная вспышка во 2-м Ростовском гренадерском полку уже 4 декабря была подавлена.

На донесении о восстании солдат-ростовцев Николай II наложил резолюцию: «Для примера необходимо было бы арестовать зачинщиков-вольноопределяющихся, предать их военно-полевому суду и расстрелять. Действие будет потрясающее».

Царское предписание, однако, не осуществилось. Рабочие Москвы подняли знамя восстания. Вслед за московским пролетариатом выступили рабочие других городов.

Лишь в 1906 году солдаты Ростовского полка предстали перед судом. Царское правительство, учитывая, что в стране продолжаются революционные выступления рабочих и крестьян, массовые волнения в армии и флоте, не решилось предать ростовцев военно-полевому суду. Их судили в Московском военно-окружном суде. Мужественно держались они на предварительном следствии и судебных заседаниях — не каялись, не выдавали друг друга. «Последнее слово» они использовали для революционных речей. Когда прочтали приговор (4 человека были присуждены к бессрочным каторжным работам, 22 — к каторге и тюремному заключению на срок от 4 до 20 лет), все подсудимые дружно сорвали с себя погоны и бросили их в лица военных судей. Подать прошение о помиловании ростовцы отказались.

«Мы гордились вашим поведением на суде,—писала «Солдатская мысль», нелегальная газета военной организации московских большевиков,— гордились так же, как и в те дни, когда восстание в Ростовском полку заставило вас стать во главе движения, когда взоры всей России были прикованы к свободному Ростовскому полку. Но вы побеждены в вашем первом смелом выступлении. Вспышка была слишком преждевременной...

Мужайтесь, товарищи! Враги народа осудили вас; те же, в рядах которых вы боролись, уже мечтают о вашем освобождении».

А. МЕЛЬНИКОВ,
кандидат исторических наук.

Заметки о Югославии

А. ВАРШАВСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Эти трансформаторы сделаны на заводе «Раде Кончар».

Там, где сливаются Сава и Дунай

...На холме, высоко над тем местом, где Сава впадает в Дунай, раскинулся обширный и очень красивый парк Калемегдан. Это— любимое место отдыха жителей Белграда. Каждый граждании Югославии, откуда бы и по каким бы делам ни пришлось приехать ему в столицу, обязательно побывает в этом историческом месте.

Именно здесь, на этом холме, еще в III веке до нашей эры кельты-скордиски заложили свою крепость. Каких только имен не давали с тех пор основанному тут городу: кельтское —«Сингидон», латинские —«Альба Грека» и «Альба Булгарорум», немецкое —«Грихиш Виссенбург», венгерское — «Нандор Фехервар» и турецкое —«Дар уль Джихад» («Место жестоких боев»)! Но славянское «Белград»— Белый город,— впервые упомянутое источниками в IX веке, было и осталось самым стойким, несмотря на века иноземного порабощения.

←
Памятник советским воинам, павшим за освобождение Белграда.

...Оглянись и окинь острым взором
Длинный ряд могил этих честных!
Сквозь туман веков ты услышишь:
Дед — внуку, отец — сыну, боец— бойцу завещает:
Там, где я не прошел,—иди смело,
То, что я не смог,— ты осилишь,
Чего я не достиг,— ты добейся,
То, что начал я,— ты продолжи.
Мы в долгу еще — отплати!

Эти слова из старинной сербской песни мы прочли у входа в Военный музей на Калемегдане. Кратко и точно передают они главное, что видишь в этом музее. Вот древнее оружие — мечи и шестоперы, секиры и самострелы; с ними пробились на Балканы славянские племена, ими обороняли свои первые, возникшие тысячу лет назад государства от бесчисленных врагов: аваров, франков, Византии, венецианских купцов, венгерских и немецких феодалов... Вот картины, макеты, образцы оружия и одежды времен героической борьбы против турецкого ига, времен первого и второго восстаний, которые привели к созданию в XIX веке независимой Сербии. Документы из истории балканских войн и мировой войны 1914—1918 годов, после которой народы Югославии объединились в одно государство...

Половина музея, занимающая отдельное здание, посвящена созданию югославской Народной армии. Здесь хранятся боевые знамена первых партизанских бригад. Вот призыв ЦК КПЮ, выпущенный в июле 1941 года:

«...В бой, в бой против фашистской банды оккупантов, которая стремится истребить не только большинство борющегося народа, но и всех славян на Балканах, которая хочет надеть ярмо на весь мир... В бой, ибо пробил час, чтобы сбросить ярмо фашистской оккупации, в бой, в последний бой за уничтожение фашистской заразы!»

7 июля началось восстание в Сербии, 13-го — в Черногории, 22-го — в Словении, 27-го — в Хорватии, Боснии и Герцеговине.

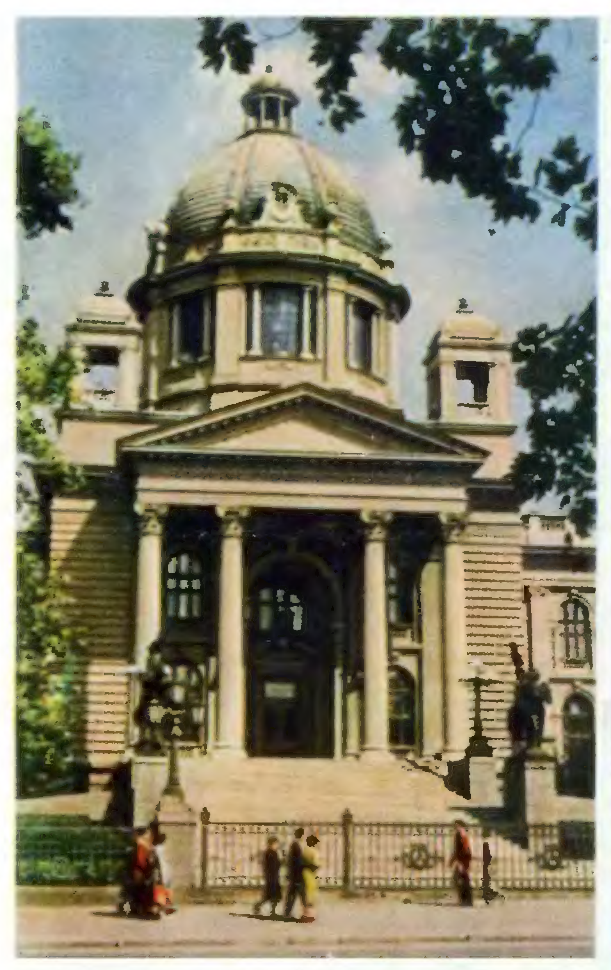
Четыре года упорной, кровопролитной борьбы. Разгром гитлеровских армий на Восточном фронте и вступление частей Советской Армии в пределы Югославии обеспечили ее победоносный успех. 15 мая 1945 года было сломлено последнее сопротивление оккупантов. 29 ноября Учредительное собрание провозгласило Югославию Федеративной Народной Республикой...

В музее много портретов — это герои, павшие в освободительной борьбе. Память о них свято хранит народ. На каждом заводе, в каждом учреждении, в университете, в школах, куда бы мы ни заходили в Белграде и в других городах Югославии, первое, на что обращали наше внимание, была мраморная доска с именами рабочих, служащих, студентов и преподавателей, погибших в борьбе за свободу родины, в борьбе с фашистскими захватчиками. И на дорогах и на улицах то и дело встречаются скромные белые памятники — иногда с высеченным барельефом, а чаще просто с лаконичной надписью: «Здесь в 194... году от рук немецко-фашистских оккупантов погибли борцы за свободу Югославии...» Миллион семьсот тысяч человек — около десяти процентов населения — потеряла эта небольшая страна за время второй мировой войны.

Разве может народ забыть свои жертвы?!

...Под сильным впечатлением от всего, что увидели в музее, выходим на огороженную решетчатым забором террасу Калемегдана. Отсюда виден почти весь Белград: белые стены и черепичные крыши его домов, зелень парков, яркокрасные фермы строящегося моста через Саву. Новый Белград — район, почти целиком созданный за послевоенные годы,— раскинулся по левому берегу Савы. Он срастается с поселком Земун; здесь белеют здания Университетского городка, дымят трубы большого завода сельскохозяйственных машин.

Моя спутница и переводчица, участница партизанской борьбы и мать павшего в этой войне героя, говорит о своем сыне, о том, как он добывал для партизан оружи[е], как с риском для жизни пробира[лся]



Белград. Здание Народной Скупщины Федеративной Народной Республики Югославии.

ПО ЮГОСЛАВИИ

Фото В. Шаховского.

Загреб.

Истрия. Дома углекопов рудника Раша.

Город Дубровник на берегу Адриатического моря.

Белград. В парке Калемегдан, у Музея национально-освободительной борьбы.
Фото А. Варшавского.

←
Курорт Опатия. Набережная в парке.

ся с этой опасной ношей через гитлеровские заставы. К ее рассказу прислушиваются два немолодых серба, по виду простые рабочие люди. Знакомимся. Один из них — машинист с Белградской железной дороги. Другой — его товарищ по партизанскому отряду — приехал навестить друга из дальней деревни.

— Да, мы не забываем,— говорит машинист,— как дорого заплатили за независимость. Не забываем и тех, кто был нашим союзником в этой борьбе... Сколько русских солдат сложило свои головы на Балканах!

— Я и сам был в России,— продолжает крестьянин.— Еще в первую мировую войну. Тогда многие из нас, солдат австро-венгерской армии, сдавались в плен и потом вместе с русскими воевали против Вильгельма. А в эту войну вот здесь же, на Калемегдане, мы вместе с советскими солдатами добивали фашистов... Вы были на кладбище югославских и советских воинов, павших за освобождение Белграда?

Да, конечно, мы были. И никогда не изгладятся из памяти ряды белых мраморных плит со скупыми надписями: «И. М. Пономаренко — старший лейтенант, Алексей Сахновский — сержант, Иван Федорович Невольный, Ваня Румянцев, Сидоровна...» Или: «Девяносто три неопознанных бойца Югославской Армии и Красной Армии, похороненных вместе после гибели на Чукарице и Болече». Кладбище расположено в черте города, содержится в идеальном порядке, на могилах много цветов...

Мимо проходят школьники. У одних за плечами рюкзаки, другие несут туго набитые портфели. Видно, экскурсия.

— Деци! — окликает ребят машинист.— Откуда приехали?

Дети окружают нас. Это ученики шестого класса румынской школы-восьмилетки. Они приехали из села Стража, что недалеко от города Вршац, в Банате. Молодой учитель Константин Суру рассказывает, что в школах Югославии принято каждый первый месяц учебного года посвящать экскурсиям. Общины (местные народные советы) выделяют на это средства, а 25 процентов стоимости оплачивают родители. Дети-румыны в Югославии учатся на родном языке...

— А в прошлом году наши ребята из старших классов ездили на побережье,— перебивает учителя черноглазая девочка,— и мы туда поедем!

Ее слова заглушает смех мальчишек. Они сделали неожиданное открытие: выставленную здесь трофейную противотанковую пушку можно использоать вместо качелей. Ребята чувствуют себя хозяевами на Калемегдане...

Маврово

Инженер Хаджиев родился и вырос в Македонии. Поэтому, когда в мундире солдата югославской королевской армии ему пришлось бродить в долине реки Радеки, он не ожидал найти здесь что-нибудь необычное. Его не удивляло, как многих приезжих, обилие этой, казалось, совершенно бесполезной, каменистой земли, то круто взмывающей к небу, то ниспадающей в узкие ущелья, поросшие колючей травой и кустарником. Не поражало его и упорство здешних крестьян, расцветивших унылую поверхность заплатками своих полей, огородов и виноградников. Поля устроены порой на таких крутых склонах, что не понятно, как можно их обрабатывать. Дожди, обычно радующие земледельца, здесь то и дело несут ему разорение: ручьи превращаются в недолговечные, но грозные потоки, вода смывает тонкий слой почвы с ее каменистой основы. В Македонии, где пригодная для обработки земля занимает меньше одной пятой всей площади, таких мест немало.

Инженер был молод. Он любил свою специальность строителя-гидротехника. Изнурительная солдатская служба не могла притупить пытливую работу его мозга: нельзя ли использовать обилие дождей, присущее этому краю? Если всю воду, которая в дождливое время сбегает с гор десятками ручьев и речушек, собрать в единый поток, он мог бы вращать самые мощные турбины. Но для этого надо часть речек заставить течь в обратную сторону.

Эта идея крепко запала инженеру в голову, и когда кончился срок военной службы, он продолжал разрабатывать свои планы. Трудился по ночам, хотя прекрасно знал, что некому осуществить такую стройку. Он видел, с каким трудом и как медленно строилась маленькая — мощностью всего в 3 800 квт — электростанция «Матка» близ Скопле. И лишь в 1945 году, когда новое народное правительство принялось подымать экономику отсталых областей, стали на реальную почву и «фантазии» инженера Хаджиева.

Сегодня в одной из долин, где Хаджиев когда-то бродил в мундире солдата, мы увидели красивое горное озеро, созданное руками человека на высоте 1 213 метров над уровнем моря.

Рядом с земляной плотиной ступеньками вверх по крутому откосу растет поселок строителей. Напротив, на другом берегу озера,— деревушки Маврово, Ледново, Ничифорово. Озеро наступает на них, и скоро жителям придется перебираться в новые дома. Район Маврово станет живописным курортом.

Однако это в будущем. Сейчас озеро копит воду, чтобы обрушить ее с высоты 750 метров на лопасти турбин и дать стране 400 миллионов киловатт-часов электроэнергии в год.

Признаться, в первый момент, когда один из строителей, техник Милисав Костратович, показал нам Мавровскую плотину, мы были несколько разочарованы: здесь нет ни величественных бетонных сооружений, ни гигантских подъемных кранов. Единственное строение из бетона — невысокая, напоминающая маяк круглая башня.

— В этой башне,— поясняет техник,— монтируется пульт управления. Отсюда открывается «затворач» — механизм для пуска воды в стальные трубы, уложенные в туннелях. Все главные сооружения стройки внутри горы. Система туннелей, труб и каналов составит в общей сложности десятки километров...

Сейчас озеро наполняется стоком двух речек — Мавровки и Беличицы. Уже прорыт трехкилометровый туннель, чтобы направить сюда же воды третьей реки — Радеки, которая течет по противоположному скату горы. Еще две речки — Круточка и Еловка,— тоже заключенные в трубы, вольются прямо в главный туннель, который, пронзая толщу двух гор, соединяет озеро с турбинами электростанции.

Строительство гидроэлектроцентрали «Маврово» — самой мощной в Македонии — было намечено еще в первом пятилетнем плане наряду с постройкой ряда станций меньшей мощности, ныне уже работающих,— «Маджары», «Песочаны», «Дошница». Окончательный проект разрабатывали крупнейшие специалисты Югославии во главе с инженером Гаевским. Туннели стали пробивать в 1948 году, а через два года молодежные добровольческие бригады, съехавшиеся со всей страны, начали насыпать плотину. Позднее ручной труд добровольцев заменили машины.

Товарищи Н. А. Булганин и Н. С. Хрущев на заводе «Раде Кончар».

Самым трудным для строителей был прошлый, 1954 год.

— Год был очень дождливый,— рассказывал нам Милисав Костратович,— плотина росла медленно, а вода в озере прибывала быстро. Она грозила начисто смыть результаты многолетнего труда...

Но тут строители досрочно закончили сооружение водоотводного туннеля и монтаж «затворача». В Маврово съехались специалисты.

— Приезжие инженеры,— рассказывает техник,— никак не могли решиться опробовать механизмы. Они сошли в туннель, чтобы в сотый раз проверить, все ли смонтировано так, как надо, и что-то долго там обсуждали. Тогда один из строителей, потеряв терпение, дал сигнал, означающий, что вода пущена. Роняя на ходу шляпы, очки, портфели, консультанты бросились к выходу...

К счастью, когда воду действительно пустили, все оборудование, изготовленное отечественным заводом «Литострой», сработало отлично. Опасность для строителей миновала. Правда, работы на плотине и сейчас подвигаются довольно медленно. Милисав Костратович объясняет это тем, что снова было очень много дождей, а на плотину можно насыпать землю только определенной влажности.

...Чтобы от озера попасть на саму электростанцию, требуется около получаса езды на автомашине. Снаружи стройка и здесь не поражает своим размахом: по-

Адольф Ростохар и Мил Франьо у памятника Раде Кончару.

среди небольшого македонского села прямо из подножия горы вырастает железобетонный остов вестибюля будущей электростанции.

Высокий, широкоплечий мужчина энергичной походкой направляется нам навстречу. У него смуглое молодое лицо, густые, чуть вьющиеся волосы и очень веселые голубые глаза.

— Инженер Серафимовский — руководитель строительных работ на этом участке,— представился он. И затем, не тратя слов на долгие расспросы, произнес неожиданно по-русски:— Пошли!

Едва поспевая за ним, мы устремились в туннель, ведущий прямо из вестибюля вглубь горы.

Пересекаем высокое узкое помещение со сводчатым потолком.

— Это будет трансформаторный зал. Трансформаторы строит загребский завод «Раде Кончар»,— поясняет наш провожатый и устремляется дальше.

Мы попадаем в большой подземный холл, заставленный строительными лесами. По мосткам карабкаемся куда-то вверх. Вот главный машинный зал. В полу огромные круглые кратеры — гнезда для будущих гидротурбин и генераторов.

— Первая турбина уже монтируется,— дает пояснения инженер.— Изготовил ее завод «Литострой». Думаю, что в конце этого года или в начале будущего сможем дать первый ток.

Затем спускаемся в другой туннель. Здесь монтируют огромные стальные с гофрированной поверхностью трубы — по ним к турбинам будет поступать вода из озера.

Возвращаемся к машине. Инженер Серафимовский говорит об истории строительства, вспоминает об инженере Хаджиеве, которого знает лично. Мы просим его рассказать о себе.

— Да что тут рассказывать,— смущается инженер.— Когда началась война, мне было всего четырнадцать лет. Родился здесь неподалеку — в Тетове.

После освобождения учился в Белграде — в Высшей технической школе,— там и выучил русский язык. Однажды с группой студентов приехал в Маврово на экскурсию. Строительство так заинтересовало студентов, что по окончании института все тогдашние экскурсанты пришли сюда работать.

По всему видно, что наш собеседник с головой ушел в свое дело, гордится им и может говорить о нем без конца. Он сообщает, что приглашен преподавать на техническом факультете Македонского университета в Скопле, но, раньше чем здесь не будет все кончено, уходить не хочет. «Маврово»,—говорит Серафимовский,— тоже неплохой «университет».

— А где сейчас инженер Хаджиев?

— О, он живет в Охриде, трудится над новыми проектами. Говорят, разрабатывает проект каскада электростанций на реке Дрим...

Раде Кончар — человек и завод

Две буквы «РК», вписанные в треугольник из молний,— это заводская марка, которую в Югославии можно встретить повсюду. Она стоит на самых больших и самых маленьких электромоторах, на генераторах и трансформаторах гидроцентралей. На крупных изделиях марка расшифрована: «Раде Кончар. Завод электрооборудования. Загреб».

Проходя по заводскому двору, мы задержались у памятника. Бронзовая фигура человека в комбинезоне как бы движется широким шагом навстречу людям, которые каждое утро проходят здесь к своим рабочим местам. На постаменте надпись: «Раде Кончар. Народный герой, политический секретарь ЦК Коммунистической партии Хорватии. Родился 28—X—1911 года. Расстрелян итальянскими фашистами 22 мая 1942 года в Шибенике».

— Похож?— спрашиваем рабочего Адольфа Ростохара, который, как нам сказали, знал Кончара лично, когда тот работал на этом заводе в тридцатых годах.

— Похож... в общем,— не сразу отвечает Адольф.— Только Раде был проще; сложением не такой массивный, и, главное,— этого, наверно, нельзя передать в бронзе — он умел разговаривать с людьми...

Потом в комнате партийного комитета мы увидели портрет Кончара. Он чем-то напоминал известную фотографию Фучика — такой же веселый, открытый взгляд и добрая, почти детская улыбка.

Ростохар рассказывает:

— Это был такой человек! Его все уважали. Одни любили, другие боялись, но уважали все, хотя он работал простым слесарем-инструментальщиком.

Вместе с нами рассказ о Кончаре слушают, а время от времени и дополняют секретарь дирекции (так здесь называют заместителя директора по общим вопросам) Илия Шарич и секретарь организации Союза коммунистов Мил Франьо. Незаметно разговор переходит на сегодняшние дела.

Мы узнаем, что у завода есть два дома культуры, работают хоровые, танцевальные и музыкальные секции, любительский театр. В домах, построенных заводом, восемьсот рабочих уже получили квартиры. Имеется свое трехгодичное техническое училище и система вечерних курсов и школ для повышения квалификации. Кроме того, завод выделяет тридцать стипендий для студентов Загребского, Белградского и Люблянского университетов. Студент, получающий такую стипендию, обязан потом отработать на заводе столько лет, сколько лет пользовался его помощью. Такой порядок принят в вузах и техникумах Югославии.

— Наш завод не только сам обеспечивает себя квалифицированными кадрами,— говорит Шарич,— но и помогает другим предприятиям. Иностранных специалистов у нас давно нет.

Нас интересует, кем был до войны нынешний секретарь заводской организации Союза коммунистов:

— Вы тоже работали на этом заводе?

— Нет, я работал на железной дороге, был тогда еще комсомольцем. В партию вступил только в 1943 году.

Когда товарищ Франьо улыбается, видно, что он еще молод. Он в рабочем комбинезоне и до того перепачкан металлической пылью и мазутом, что густые, сросшиеся на переносице брови почти неразличимы на лице. Зато ярко выделяется белизна зубов и лучистые, очень располагающие к себе глаза.

Мил Франьо рассказывает, что во время войны он работал машинистом на паровозе, выполняя задания партии.

После освобождения Югославии Мил Франьо перешел в министерство путей сообщения, учился в партийной школе, был секретарем районного комитета. Потом, когда происходила реорганизация партийного аппарата, его, как и многих руководящих работников, направили на производство.

— В те дни кое-кто из наших товарищей,— замечает Франьо,— начал искать себе работу почище, поспокойнее. Некоторые даже совсем отошли от активной деятельности в партии. Но я попросил, чтобы меня послали на «Раде Кончар»: я знал, что завод испытывал тогда серьезные трудности.

— Место коммуниста — там, где трудно,— так всегда говорил наш Раде,— одобрительно замечает Адольф Ростохар...

Сейчас в парторганизации завода около шестисот коммунистов и сильная Омладинская организация (Союз молодежи).

Главной задачей своей партийной организации, рассказывают наши собеседники, они считают воспитание коллектива в духе социализма. Члены Союза коммунистов добиваются, чтобы все, даже мелкие производственные вопросы решались с точки зрения высших интересов рабочего класса, всей страны. Активно участвуя в организациях Социалистического Союза трудящихся Югославии, профсоюзах, органах управления предприятием, коммунисты призваны противостоять всякого рода местническим тенденциям, бороться с злоупотреблениями и нарушением трудовой дисциплины, должны быть сами примером в труде и в быту.

— Тех, кто не выполняет этих обязанностей, — говорит Мил Франьо,— мы строго критикуем, а неисправимых исключаем...

Мил Франьо и его товарищи привели несколько примеров того, как коллектив «Раде Кончара» по настоянию коммунистов отказывался от дополнительных доходов предприятия во имя укрепления экономики всей страны или бескорыстно помогал другим народным предприятиям.

— Все это не значит, конечно,— говорил товарищ Франьо,— что у нас нет своих недостатков, своих слабостей...

В конце беседы нам показали большой, в красивом кожаном переплете альбом — книгу отзывов почетных посетителей завода. Записей было много — чуть ли не на всех языках мира. Мне показали отзыв Джавахарлала Неру, премьер-министра Бирмы У Ну. Потом открыли страницу, где стояло три подписи: Н. Хрущев, Н. Булганин и А. Микоян.

— Советская правительственная делегация полтора часа провела на нашем заводе,— говорит Мил Франьо.— Никита Сергеевич, как приехал, протянул мне руку и говорит: «Вы секретарь, и я секретарь,— будем говорить, как коллеги». И мы говорили долго и очень дружески.

Рисунок П. Баранова.

РАССТАВАНИЕ И ВСТРЕЧА

Бранко ЧОПИЧ

Бранко Чопич — югославский писатель, родился в 1915 году в селе Хошаны, под Грмечем. Окончил философский факультет Белградского университета. В 1941 году пошел в партизаны, где и был до конца войны. После освобождения был редактором журнала «Пионер», а в настоящее время занимается литературным трудом. Написал большой роман «Прорыв» — о борьбе югославского народа против фашистских захватчиков и предателей народа, усташей и четников.

Хотя дымовое отверстие в потолке было открыто, в тесной комнатушке царил еще мрак. Раде взвалил на плечо мешок и вышел во двор. За ним, как тень, скользнула его жена.

— Раде, ты ничего не забыл?

— А что здесь можно забыть? — хрипло, скрывая тоску, сказал Раде и оглянулся на дом.

Он окинул взором стены, сложенные из неотесанных больших камней, почерневшие двери, единственное оконце, крутую провалившуюся крышу, и его осиротевшее гнездо показалось ему красивым и родным, как никогда раньше.

— Ты не поцеловал детей.

У Раде защекотало в носу, и на глаза навернулись слезы. Он сдержанно высморкался, посмотрел в сторону на почти убранную кукурузу и, делая вид, что совсем спокоен, пробормотал:

— Нет, пусть спят.

Неумытая, сощурившаяся от света, с увядшим лицом и растрепанными волосами женщина, скрестив руки под грудью, испуганно и грустно смотрела из-под полуопущенных век на своего мужа и беспокойно переступала своими большими ногами по гладким холодным плитам двора. Измученная и истомленная бессонной ночью, она постарела еще на десять лет. Но и Раде выглядел не лучше.

Уже рассвело, но небо над голыми горами было еще пустым и серым. На тусклом осеннем небе не появилось румян, на нем не было ни одного утреннего узора. Из ущелья дул холодный ветер. Все это говорило о том, что ранний осенний мороз уже пал на ноздреватые глыбы известняка в горах.

Раде зашагал к раскрытой калитке.

— Ну, я пошел.

Жена двинулась за ним.

— Я тебя немного провожу.

— Чего меня провожать? Со мной весь белый свет не обойдешь, — мрачно проговорил уходивший.

— Боже, и верно, весь свет! И где она, эта, враг ее забери, проклятая Америка? За морем?

Несколько шагов шли молча. Раде то прибавлял, то укорачивал шаг. Женщина снова сказала:

— Сколько ты думаешь там оставаться?

— Год, два, три, а может быть, и десять. Как пойдут дела.

В грустных глазах крестьянки померк свет. Босые ноги ее онемели от утреннего холода. Тяжелый, ледяной комок в груди отнял у нее все силы, и она еле двигалась. Женщина смогла только со вздохом пожаловаться:

— Эх, скоро дети подрастут!..

— Да, скоро. Что поделаешь? Ты постарайся наняться к кому-нибудь, Джуро пусть остается дома, а девочки, когда подрастут, сами себе долю найдут.

— Тяжелая она, наша женская доля, — провожай вас во всякие Америки.

— Что поделаешь, нужно ехать.

В редком орешнике у подножия холма зловеще-тоскливо закричала какая-то птица. Женщину сразу охватила тоска.

— Раде, а Раде!

— А?

— Тяжело мне.

— Ну, беги. Всегда вы так, женщины, все принимаете близко к сердцу... Что тут такого? Я же не на каторгу иду или в солдаты. Я еду искать работу.

— Да, я... не потому, что ты едешь, — начала оправдываться женщина. — Слышу, кричит на горе какая-то птица, гром ее порази. Вот и напала на меня тоска.

— А что тебе до нее? Иди-ка ты лучше домой, а то дети проснутся и начнут баловаться, дом еще подожгут.

— Ничего, не бойся, Дане — умный мальчик, настоящий хозяин. Помнишь, он один раз новую веревку домой принес?

— Украл где-то, наверное, у возчика.

— Эх, украл! А ты бы хотел, чтобы он все из дому выносил да по селу разбрасывал?

— Верно.

Когда они дошли до того места, где дорога круто сворачивала у низкорослого орешника, Раде остановился:

— Ты сейчас могла бы и возвратиться. Замерзнешь без платка.

Это неожиданное внимание, высказанное хмуро и как будто небрежно, тепло коснулось сердца женщины. Передвигая босой ногой маленькие камешки на дороге, она грустно опустила голову:

— По-всякому мы жили, мой Раде, и дрались, и ругались, и... чего только не было!

Раде зачем-то стал перевязывать веревку на мешке и как бы между делом ответил:

— Что поделаешь, и мне было нелегко. В детстве батрачил, да и потом каждое лето на чужом поле работал. Побью тебя, а после мне весь день нехорошо. С досады ручки у мотыг ломал.

— А я никогда, если хочешь знать, на тебя не сердилась. И сейчас мне что-то тяжело. Ну, теперь иди.

Наступила тяжелая, плотная тишина. Словно гора невысказанных слов и непроявленных чувств сдавила грудь уходившему и той, которая оставалась. Раде поднял глаза и улыбнулся робко, с грустной теплотой.

— Ну ладно, Йека, мы могли бы и поцеловаться. Давай.

И они поцеловались, неумело и боязливо, как бы стыдясь насмешливого, нескромного свидетеля. Затем Раде решительно попрощался и твердыми шагами двинулся дальше. Йека крикнула ему вслед:

— Ты пиши, Раде, не забывай о детях!

— Напишу, а вы тут за домом смотрите. Работайте!

Когда путник скрылся из виду, женщина о чем-то вспомнила, быстро вскарабкалась на развалившийся каменный забор и, увидев Раде, уже ушедшего довольно далеко, закричала ему вслед голосом, в котором были слышны сразу и боль и радость:

— Раде, о мой Раде, не оставайся в Америке! Возвращайся домой к своим, родной мой, как только сможешь!

— Я вернусь, Йека, вернусь, не бойся! — живо откликнулся человек с дороги.

«Мне сейчас как-то легче стало, — утешала сама себя Йека, возвращаясь. — Пусть его, пусть едет. Не он один. Вся Лика туда едет. К тому же ведь он живой вернется».

Прошло около пятнадцати лет после того невеселого осеннего утра, когда Раде отправился в Америку. Он редко писал и еще реже присылал деньги. А когда в Лику пришел бурный 1941 год, год восстания, связь с ним совсем прекратилась, и Йека, поглощенная заботами о детях, вскоре забыла уехавшего мужа. Лишь иногда ночью, слушая далекий гром орудий, вспоминала она своего Раде, как какого-то давнего знакомого, живущего далеко и не имеющего ничего общего с этим миром, с его заботами и нуждами. Эти воспоминания не радовали ее и не приносили особенного огорчения.

«И он, бедный, конечно, думает о нас».

Через три года после освобождения от немецкой оккупации в сельский комитет прибежал рабочий с соседней железнодорожной станции и принес Йеке радостную весть:

— С тебя могарыч, Йека, твой муж возвращается из Америки. Он прибывает на «Партизанке» вместе с моим братом Тодором.

— Поздравляем, поздравляем! — зашумели собравшиеся возле Йеки люди.

В это время из соседней комнаты показались чьи-то желтые усы и посыпались обязательные соленые шутки. Какая-то энергичная, веселая женщина, которой стало жаль смутившуюся Йеку, вынуждена была вмешаться.

— Марш отсюда, черти полосатые, оставьте несчастную женщину в покое! Ей не до вас. Ишь, насели, чтоб вам пусто было! — и расшумевшаяся женщина вытерла веселые слезы и подошла к Йеке. — Знаю я, сестра, как без мужа-то жить. Когда мой покойный Стева был в тюрьме на Лепой Главе, сколько я себе крови попортила за четыре года!

Йеке, члену сельского комитета, сорокалетней женщине, даже во сне не снилось, что ее может так взволновать весть об этом человеке, с которым она жила очень давно, в какие-то смутные и навсегда забытые времена, о которых и вспоминать-то не хотелось. И когда ей пришло в голову, что с этим человеком ее связывают и дети, и тяжелое прошлое, и редкие счастливые дни, силы оставили уверенную в себе, собранную Йеку. Эх, сколько ей нужно ему рассказать, поплакаться, да и похвалиться детьми с той грустной материнской гордостью, которая всегда граничит со слезами и горем!

Снова в ее памяти всплыл тот далекий день расставания, когда она так тепло крикнула своему Радушке, чтобы он возвращался к своим людям, к своему родному очагу. Никогда не пропадает доброе слово, сказанное от души. Рано ли, поздно ли, оно затронет сердце человека.

— Я и сама удивляюсь, голубушка, как я могла столько жить и не видеть его, не говорить с ним. А быстро ли идет эта «Партизанка»?

— Главное, что он едет и у тебя есть кого встречать, — утешала ее женщина. — А мой Стева никогда не возвратится.

В день приезда Раде Йека надела праздничное платье, приколола к пальто медаль «За храбрость» и окольным путем, стараясь, чтобы ее не видели, пошла на железнодорожную станцию. Скрывая волнение, посерьезневшая, она стояла на перроне у ограды в начинавшихся сгущаться летних сумерках, в стороне от остальных людей, чтобы никто не вздумал и сейчас пошутить над ней.

Раде она узнала сразу, как только он вышел из вагона, неся тяжелый чемодан. Она узнала его походку, сдержанное покашливание и худые, костлявые плечи, ссутулившиеся еще в ранней молодости, когда он, почти мальчик, горбился над мотыгой.

— Как доехал, Радушка?

Увидев лицо жены, залитое слезами, Раде и сам тихо заплакал. Он вынул большой платок и как-то невесело оглядел свой чемодан.

— Йека, а как быть с этим?

Это первое проявление беспомощности сразу пробудило в Йеке энергичную партизанку — члена комитета, которая и в селе и в родном доме справлялась с делами лучше мужчины. Она быстро оглядела перрон и подозвала длинного парня с кнутом в руках.

— Поезжай, Даниша, ко мне домой. Кинь в подводу вещи этого товарища, оставишь их возле моего дома. Скажи там Милице, что и мы скоро придем... Пошли, Раде.

Как только в сумерках скрылась станция и замерла кратковременная станционная суетня, Йека сказала каким-то мягким, дрогнувшим голосом, который удивил ее самое:

— Эх, мой Раде, побродил ты по свету, настрадался, наработался!..

— Да, все было, и хорошее и плохое, а своего дома нигде нет.

Путешественник говорил устало и немного грустно, как человек, который вот-вот откроет свою душу. Сейчас, когда в темноте она больше не видела его необычной чужеземной одежды и отмытого лица, муж, с которым она так давно не встречалась, стал намного ближе и понятней. Да, это настоящий, прежний его голос!

— Что же ты мне, Йека, про детей ничего не рассказываешь? Я кое-что в дороге слышал.

Йека глубоко вздохнула. В темноте легче раскрывается сердце, и человек не стыдится ни грусти, ни слез.

— Эх, мой Раде! Остался наш Дане на Удбине.

— Как? Погиб?! — не веря, переспросил муж.

— За пулеметом, — тихо, глотая слезы, ответила жена. — Вот уже четыре года прошло. Я ни перед кем о нем не плакала, а сейчас вот, приехал отец...

— Неужели наш Дане, этот чумазый карапуз, — удивился отец, — дорос до пулемета?

— Дорос мамин Данило, — с нескрываемой гордостью сказала жена. — А как он рос в те годы, Раде! Вот, кажется, вчера еще драла его за уши, ругала, а сегодня, когда видишь его в строю, не веришь, что это твое дитя. Я как услышу, что идет мой Дане, быстро-быстро приоденусь, причешусь, в доме приберу, и все же страх берет, как бы не осрамиться перед гостем.

Раде отчетливо представлял себе живого босоногого мальчика, вымазанного ежевикой, однако чувствовал, что жена видит совсем другого Дане, выросшего и чистого. Его взгляд невольно упал на медаль.

— А что это, Йека, награда, что ли?

— Да, за храбрость, — просто ответила крестьянка. — Вывела я раз госпиталь из вражеского кольца, ни один боец у меня не умер, ни одна винтовка не выстрелила. Лежала я после этого месяц: простыла в дороге.

Об этих исключительных временах и событиях женщина говорила долго и просто, как о совсем обычных вещах. Она переплетала их со своими повседневными заботами и неудачами, придавая таким образом каждому событию особую убедительность и трогательно возвеличивая людей, которые в них участвовали.

— Проходят бригады на Бихач, где бои шли, а у меня голова разболелась, вот-вот лопнет. Я собирала по селу продукты. Матери детям куска недодавали, все отправляли для войска. Как-то в полночь встала я посмотреть корову, стельная была, и слышу: пушки. Я сноху бужу: «Мара, вставай, слышно, как под Бихачем наши начали...»

Раде внимательно слушал ее рассказ, и ему становилось все яснее, что он попал в какую-то совсем другую страну, к другим людям, совсем не таким, каких он когда-то оставил в Лике. У него защемило сердце при воспоминании о той старой Лике, о которой он так часто думал на чужбине и по которой нередко ходил во сне. Как продолжить оборванную нить? Жив ли еще кто-нибудь из старых знакомых?

— Йоя Пушиброк жив? Мы с ним были одногодки.

— Погиб в Сплите.

— Эх, жизнь! Что же теперь с его сиротами? Ты мне писала перед войной, что у него маленькие были.

— Не беспокойся, мы обо всех позаботились: кого в школу, кого ремеслу обучаться послали. Старший-то его в Зенице.

— В тюрьме? Мы раньше сидели в Лепоглаве.

— В какой тюрьме! Мастер на металлургическом заводе.

— Ага! А Перо Вуцеля?

— Перо — майор.

— Подожди, тот Перо, что работал в каменоломне, черный такой?

— Да, да, он. Майор.

Ворох событий смущал его все больше, и он в конце концов перестал удивляться. Наконец Раде задумчиво, с тихой грустью заключил:

— Ему у вас повезло, как в Америке. Всяко бывает. — Он немного помолчал, а затем невесело добавил: — Какой Америке! Да если бы я еще на сто лет там остался, все равно ничего бы не получилось. Знай себе шахту — и все. Чужбина... Хуже нет. Не знаю, что тебе еще сказать. Нет жизни, и все тут...

В эту ночь сон у Раде был тревожен и короток. Проснулся он рано, чувствуя себя так, как будто и совсем не ложился. Спать не хотелось. Он легонько дотронулся до плеча жены и тихо позвал:

— Йека, а Йека!

Жена тотчас же отозвалась, словно и она не смыкала глаз:

— Что, Раде?

— Йека, мне так жалко...

— Чего?

— Мне жалко, что я уехал, что я не был здесь, с вами.

Йека ласково сжала загрубевшую шахтерскую руку и сказала просто, без упрека:

— Забудь об этом, Радушка, ты не виноват. Хорошо, что ты приехал. Впереди у нас еще большая, красивая жизнь в своей стране и со своими людьми.

Перевод с сербского
Д. ЖУКОВА и Г. ЮНАКОВА.

Пастушка

Михайло ЛАЛИЧ

Рисунок В. Высоцкого.

На исходе весны 1942 года в понедельник, как раз перед началом большого наступления, четники задержали двоих на окраине Колашина. Первым попался Веко Бруич, хромой старик, отец расстрелянного партизана. Узнали его или кто-нибудь его выдал, так или иначе старика схватили неожиданно, и он даже не успел вытащить из кармана револьвер. После того как его обезоружили, старик во всем сознался: да, он хотел застрелить коменданта Минича и отомстить за смерть сына. В полдень старика расстреляли вместе с Селичем, Зечевичем и Лакичевичем. Сгорбленный и хромой, в эти последние минуты он выпрямился и сказал: «Я погибаю вместе с честными, прекрасными людьми, с прославленными героями черногорского народа — и в этом моя награда». Держался старик прямо, зарыли его глубоко, а слава тех, с кем он принял смерть, заслонила его славу, так что скоро о нем позабыли и перестали говорить.

Второй случай был совсем другого рода: арестовали девушку среднего роста, цветущую деревенскую красавицу, в грубой одежде, с загорелым лицом и твердым взглядом серых, как сталь, глаз под черными бровями. Это была Джурджа Влахович — пастушка из Требалевского района. В тот день она гнала табунок ягнят. В прежние времена это было обычной вещью: в конце весны ягнят отнимали от матерей и отводили в другое стадо, чтобы они приучались пастись вместе со всеми. Но в эту весну все перевернулось. Около мирной Тары беспрестанно гремели бои, и четникам казались подозрительны и пастухи, и ягнята, и вообще все, что живо и способно двигаться.

Девушка прошла мимо стражи, наклоня голову, она на ходу продолжала вязать чулок. Но именно ее спокойствие задело стражу и усилило не столько подозрение, сколько желание увидеть на ее лице страх. Командир стражи, бывший жандарм, с бородой, закрывавшей сальный воротник наглухо застегнутой рубахи, откашлялся и злобным голосом спросил:

— Откуда идешь, кр-расотка?

Она обернулась, вздрогнула и посмотрела на четника твердым, холодным взглядом.

— Я? С гор.

— С каких гор? Здесь их до черта!

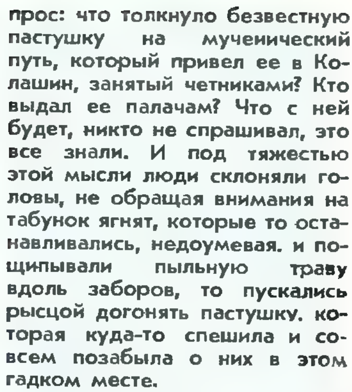
— Я с тех, с Белградских, — сказала девушка, внимательно следя за спицами.

Она повернулась, собираясь идти дальше, но стражник преградил ей дорогу:

— Стой! Что ж ты молчишь? Ты же из партизанской зоны! Давай сюда пропуск!

Пропуска у нее не оказалось, и хотя она как будто не понимала, зачем он нужен, ее повели в корчму, где ее должна была обыскать хозяйка Милена Тутова, сдобная вдова, которая оказывала четникам самые разнообразные услуги. Она не знала девушки — с деревенскими, особенно с женской половиной, она не поддерживала никаких отношений.

Пастушка сказала, что она из семейства требалевских Влаховичей, но и это ровно ничего не значило, потому что Влаховичи, как, впрочем, и многие другие, разделились на четников и партизан и кровно враждовали между собой. Девушка пыталась уклониться от обыска, говоря, что ей нужно найти ягнят, но страже было наплевать на них. Ее задержали, и Милена Тутова наметанным глазом заглянула ей за кофточку и нашла под рубашкой пачку листовок, в которых население призывалось на борьбу против оккупантов и их наемников — четников. Стражники не стали читать даже заголовков: как только зашуршала бумага, им сразу стало все ясно. Девушку стали бить. Окровавили лицо, повредили глаз и три раза срывали белую косынку. Девушка молчала, только все натягивала косынку, потому что суровая деревенская мораль не позволяет открывать женские волосы мужским взглядам.



Михайло Лалич, югославский писатель, родился 7 октября 1914 года в черногорском селе Трепчи, в бедной крестьянской семье. В 1936 году, будучи студентом Белградского университета, опубликовал свои первые стихи и рассказы. Участвовал в восстании против фашистских оккупантов. Некоторое время провел в фашистском плену в концентрационном лагере около Салоник. Бежал оттуда и принял участие в борьбе греческих партизан. После освобождения сотрудничал в черногорской газете «Победа» и центральном органе СКЮ — «Борьба». Сейчас работает над романом «Разрыв» — о греческих партизанах в годы второй мировой войны.

Потом Джурджу повели в комендатуру. На улице, на глазах у народа, ее не били, но выказывали свое служебное рвение криками и ругательствами. Вот, мол, полюбуйтесь, какие мы старательные! Стражникам в эти минуты казалось, что они на голову выше пугливых прохожих, которые приостанавливались, а потом плелись на некотором расстоянии за орущими, кривляющимися четниками. Молчаливая вереница людей все росла, и каждый задавал себе примерно один и тот же вопрос: что толкнуло безвестную пастушку на мученический путь, который привел ее в Колашин, занятый четниками? Кто выдал ее палачам? Что с ней будет, никто не спрашивал, это все знали. И под тяжестью этой мысли люди склоняли головы, не обращая внимания на табунок ягнят, которые то останавливались, недоумевая, и пощипывали пыльную траву вдоль заборов, то пускались рысцой догонять пастушку, которая куда-то спешила и совсем позабыла о них в этом гадком месте.

Перед комендатурой толпа остановилась. Девушку ввели в дом, а люди еще некоторое время стояли, вглядываясь в черный квадрат входа. В молчании посматривали друг на друга. Потом стали расходиться, чтобы рассказать о случившемся перепуганным соседям и, повторяя эту историю, по возможности обуздать смелость, эту прекрасную особенность молодых, смелость, за которую расплачиваются сейчас такой страшной ценой.

Площадь совсем опустела. Только ягнята еще резвились, но скоро и они, привлеченные видом зеленой травы, помчались в поле. Стражник долго выбирал глазами самого жирного из них, мечтая о вертеле и костре и облизывая сухие после вчерашней пьянки губы. И вдруг он с досадой увидел, что они бросились бежать и скрылись из виду.

Несколько минут спустя ягнята остановились, напуганные собственной свободой, и тонким блеянием стали призывать своих матерей и пастушку. Никто не откликнулся на их зов. Потом они целый день пробирались сквозь растрепанные плетни, сквозь запущенные сады и огороды, шли по большой дороге, которая не казалась им раньше такой жесткой и пыльной, и по голым пастбищам, усеянным безымянными партизанскими могилами. Так они вышли к Таре, на песчанки, поросшие жидкой травой, и с удивлением уставились на худосочную извозчичью лошадь, паршивую и облезшую, как собака. Лошадь внушила им доверие. И ягнята целый день паслись возле нее и носились по зеленому полю, как бабочки, побаиваясь все-таки подходить слишком уж близко. Вечером пришел извозчик и увел лошадь. За ним поплелись ягнята, то припускаясь бежать, то останавливаясь в страхе и сомнениях. Они заночевали у стены конюшни, одинокие и перепуганные, сбившись в теплый волнистый комок.

В комендатуре тем временем пытали пастушку.

Допрос вел Божанич, внебрачный сын жандармской прачки, которой не довелось увидеть величие и славу своего отпрыска. До войны Божанич болтался в Белграде, не имея ни угла, ни пристанища, и подрабатывал мелкими доносами. В Колашине его забыли. На второй год войны он вернулся в родные места с документами офицера из армии Недича. Он рассказывал, что будто бы сбежал от Недича, продавшегося немцам, и хочет теперь служить Драже Михайловичу, потому что к англичанам у него больше доверия. Божанич бахвалился, что он из пулемета косил связанных коммунистов на Банице и что здорово вылавливал их по сербским деревенькам. Его рассказы о расправах над безоружными людьми не вызывали у слушателей сомнения, чего нельзя сказать о других рассказах. Офицеры-четники, в большинстве считавшие себя «благородных кровей», не принимали Божанича в свое общество; зная о его темном происхождении, они утверждали, ни на чем, впро-

чем, не основываясь, что прачкин потомок сбежал из Сербии, потому что был уличен в краже. Другие, более дальновидные, считали его гестаповским и недичевским шпионом, подосланным в штаб Драже, и держались с ним в высшей степени осторожно, чтобы не впасть, не дай бог, в немилость.

Божанич допрашивал девушку на «белградский манер». Это заслуживает особого объяснения. Жертве связывали руки и ноги, веревки соединяли за спиной, и таким образом из живого тела получался натянутый лук. Этот лук подвешивали на жердь, укрепленную на двух столбах. Жердь называлась «мостом», а жертва — «маятником». Когда помощники, здоровенные верзилы, неспособные ни на что другое, подвешивали жертву, Божанич брал бич и с подлинным искусством бил по босым пяткам.

Это был адский труд. Трижды вешал он проклятую девчонку и трижды снимал ее без сознания. Пока ее отливали водой, Божанич с остервенением тер свою маленькую, уродливую голову потными пальцами. Он недоумевал. Вначале казалось, что девушка принимает мучения как нечто должное. Ей втолковывали, что пытки прекратятся, как только она сознается. Но она упрямилась и не хотела понимать того, что ей говорили. После своего первого и последнего объяснения она молчала, как рыба. А объяснение было настолько смехотворным — листовки нашла в сене и взяла для матери и брата на курево,— что Божанич не стал его записывать. Утомленный и мрачный, с лицом перекосившимся, как от зубной боли, он приказал отвести Джурджу в тюрьму, а сам стремглав скатился с лестницы своей «канцелярии», очевидно, в пивнушку.

Утром девушку привели в суд.

Четнический суд в Колашине был устроен ради проформы, чтобы позабавить избранную публику, а заодно и создать впечатление, что приговор выносят здесь на основе закона, тогда как на самом деле смертный приговор выносился далеко от здания суда — в штабе, где всякие «доказательства» были не в моде. Главным судьей был Марко Милович, болтливый пьяница и скандалист, со следами бесчисленных побоев, бледный и распухший. До войны он был адвокатом, увлекался Ходжером и Летичем[1], а потом рассказывал, что сам он, будучи кандидатом партии Летича, получил на выборах «ноль-ноль» голосов и с тех пор презирал людской род. Он косил левым глазом и объяснял эту свою особенность тем, что «так видит меньше гадостей, творящихся вокруг». По правую руку от Миловича сидел Вуле Влахович, туберкулезный верзила с мутными глазами, который предлагал всем без исключения вынести смертный приговор. Таков был его принцип. Слева примостился третий судья, Вуксанович, который денно и нощно помирал от страха, не пил, не ел, не курил и, как говорил Милович, «питался страхом и тем жил». Но вопреки страху, а, может быть, именно благодаря ему, Вуксанович иногда не соглашался со смертным приговором, что, конечно, никем не принималось в расчет.

Джурджа вошла, прихрамывая, и это дало повод Миловичу подать первую реплику, которая предназначалась как бодрящее средство для подсудимой и увеселительное для публики.

— Хромая! — воскликнул он. — Что за перемена? Вчера еще была вроде нормальной, а теперь скачешь!

Девушка остановилась, недоумевая. Неужели она не ослышалась? От обиды лицо ее, изуродованное рубцами, покраснело. Подняв голову, она сдвинула брови:

— И в тебе есть перемены: прошлый год, помнится, ты был черногорцем, в этом году — итальянец. И турком бы стал и еще девять вер переменил бы, не вытерпев и половины мук, которые я вытерпела.

Милович схватил первую попавшуюся под руку бумагу и яростно скомкал ее.

— Ишь, зубастая! — сказал он, швыряя белый шарик в угол. — Где это ты так хорошо выучилась трепаться? Уж не переспав ли с партизанами?

— Партизаны мои братья, и спать мне с ними незачем! — ответила девушка, наблюдая, как на губах судей рождалась гаденькая улыбка.— А вот ваши жены и дочки, пока спят с грабителями, наберутся от них ума-разума.

Милович, пепельно-бледный, вскочил и, вытаращив глаза, стукнул кулаком по столу.

— Где ты находишься, знаешь? — зарычал он грозно.

— Еще бы! Перед палачами! — ответила девушка.

У Вуксановича выпал карандаш из рук и покатился по полу. Он нагнулся, и в наступившей тишине слышно было, как скрипнул стул и дрожащая рука зашарила по полу. Милович засопел, наклонил голову к груде актов и закрыл глаза — это значило, что теперь следствие будет вести Вуле Влахович. Та часть публики, которая ходила в суд, чтобы послушать, как Милович набрасывается на подсудимых, была разочарована и потеряла всякий интерес к делу. Влахович задавал вопросы нудным, замогильным голосом, не скрывая, что все это комедия и что приговор уже вынесен «выше» и бесповоротно утвержден.

Он, не торопясь, осведомился об именах, датах, а потом сумрачно спросил:

— Значит, гнала ягнят... М-да, а где же, собственно, эти ягнята?

Девушка ответила, что не знает, но думает, что скорее всего в горшках у четников. Но если суд хочет выяснить, то можно расспросить в городе...

— Хорошо, хорошо! — замахал судья руками и переменил тему.— А кому ты должна была передать листовки?

Джурджа нахмурилась, как бы затрудняясь ответить, а потом сказала, глядя прямо в его глаза:

— Умрешь, а этого не узнаешь!

— Понятно, — скорбным голосом заключил туберкулезный верзила и саркастически усмехнулся. — Значит, так... С какого же времени ты член партии?

— Это тебе незачем знать! — бросила девушка, презрительно посмотрев на козлиную бородку Миловича.

Влахович устало посмотрел на Вуксановича, тот тупо уставился на Джурджу, в переносицу, где, казалось, сосредоточился весь ее гнев. Судья махнул рукой: чего там, пора кончать.

Джурджу отвели в тюрьму, и за те два часа, которые осталось ей жить, она умылась, причесалась и, как могла, оправила платье. В обед она есть не могла, только, чтобы подбодрить других, откусила разок и долго мяла в руке мякоть кукурузного хлеба.

В полдень ей сообщили, что она осуждена на казнь через повешение и что приговор будет приведен в исполнение теперь же. Пусть приготовится. Девушка выслушала все, не шелохнувшись, как будто свою судьбу знала давно и к ней готовилась. Да она и на самом деле была подготовлена к этому: всем было известно, что в четническом Колашине женщин не удостаивали расстрелом, а, как правило, вешали. Так окончила жизненный путь «партизанская докторша» Ружа Рип, неутомимая Ружа Рип, которая спасла от смерти стольких черногорцев! А Джурджа Влахович ни на минуту не сомневалась в том, что пощады ей не будет. Рассказывали, с каким достоинством Ружа встретила смерть. В последнюю минуту она своей маленькой рукой высвободила из-под веревки длинную косу, перебросила ее на грудь,— и унизительная смерть, избранная для женщины, стала в одно и то же время и прекрасной и трогательной.

Прежде чем пожать руки своим товаркам по камере, Джурджа прошла двор, отделявший их от мужского отделения, и попрощалась с товарищами, которых еще и не знала как следует. Ее уверенный, спокойный вид обманул многих — можно было подумать, что девушка собирается домой, и только потом уж все жалели, что не наглядelись на нее, пока она была жива. Когда Джурджа возвращалась в свою камеру, на улице возле тюремных ворот забил барабан, и глашатай стал сзывать жителей Колашина на казнь страшного коммунистического организатора Джурджы Влахович. Девушка остановилась перед открытыми дверьми женского отделения и, горько усмехнувшись, побелевшими губами произнесла:

— Слышите, это мне сватов сзывают! Бедная моя маленькая мама, если бы ты знала, как твоя дочь будет выходить замуж!

Насупившиеся стражники, уткнув носы в черную вату бород, вывели ее из калитки. Джурджа спешила, и стражники едва поспевали за ней. Спускаясь к полю, она увидела оцепленную толпу и ощутила на себе сотни взглядов. Больше всего она боялась одиночества, обособленности под взглядами стольких людей. Захотелось ниже наклонить голову, но в следующую минуту она овладела собой и уверенным шагом пошла сквозь толпу, которая послушно раздвигалась перед ней, и остановилась у виселицы, окруженной четниками и шумевшим народом.

Это удвоило ее силы и ненависть. Она легко вскочила на подставку между столбами. С этой необычной трибуны Джурджа рассматривала толпу. Ей показалось, что шум затих. Она поискала глазами знакомых и вдруг в первом ряду увидела бескровное лицо и серую остренькую бородку Минича — он смеялся беззвучным лисьим смешком. Девушка окликнула его:

— Радуешься, Любо Минич! Макаронный комендант! Смейся, подлая лиса, но знай: ждет и тебя такая люлька!

Застигнутый врасплох, Минич плохо разобрал ее первые слова, но сразу понял, что не сумеет ответить как надо. Он промямлил:

— Хватит болтать, сейчас тебя Мехмед окрестит, раз тебе первое крещение не помогло!..

Мехмед и Джогаза-кузнец были единственные мусульмане, которые ужились с четниками. Недалекий, боязливый Мехмед, лакей по природе, брался за все унизительные работы, в его обязанности входило вешать осужденных партизанок. Немощный, щербатый, в грязных лохмотьях, Мехмед стоял на скамейке и, ожидая знака, слушал, раскрыв рот, о чем говорила пастушка.

А Джурджа сначала остановилась на Миниче, а потом перешла к тем, «кто продал совесть за обед, а веру за ужин» и «пил народную кровь сначала стопками, а потом кружками». Но придет еще день расплаты, сказала она, «партизаны принесут свободу для народа, а господам-живодерам — то, что они заслужили».

— Шевелись, чего рот разинул! — крикнул Минич Мехмеду.

— Эй, балда! Ты что, гад турецкий, речь слушаешь? — счел своим долгом вмешаться начальник стражи Андрия Беланич, готовый сам исполнить обязанности палача.

Мехмед засуетился. Стал ловить веревку руками, но девушка сильно оттолкнула его локтем. От неожиданности он схватился за грудь и упал со скамейки.

— Аааа! — понесся по толпе шум, слитый из десятка запрещенных, задушенных, спрятанных мыслей.

Девушка, не торопясь, надевала петлю на свою тонкую белую шею.

Она сняла косынку с головы и открыла волнистые светлые волосы, разделенные пробором на две косы. Потом высвободила их из петли, и они упали почти до пояса. Сияние этих кос и глаз осветило ее лицо последней вспышкой красоты.

— Я и сама могу повеситься,— сказала Джурджа в гробовой тишине и одним движением опрокинула подставку под собой.

Петля затянулась, и она, легкая, вытянувшись в струнку, повисла на веревке.

Женщины вскрикнули и закрыли глаза, чтобы не видеть того, ради чего их сюда привели. Мужчины с тяжким сознанием, что они выполнили самую ужасную обязанность угнетенных, заспешили домой. Сзади плелся Мехмед, в голове его мутилось, ноги ослабели, ему все хотелось оглянуться назад, но сделать это он был не в силах.

Казненная осталась одна. Первыми, кто подошел к ней, были ее ягнята. Одичавший, уменьшившийся их табунок проходил вдоль речки по притоптанной траве. Под виселицей ягнята остановились и один за другим подняли головы. Они уставились на пастушку выпученными, жалостливыми глазами, как бы умоляя снова взять их под защиту. Ветер с вершин Ключа закачал тело повешенной, и тень ее, как живая, зашевелилась на траве. Это напугало ягнят. Сбившись в кучу, покинутые всеми, они бросились к Таре, к ее мутным водам, не забывшим еще прошедшей весны.

Перевела с сербского
Татьяна ВИРТА.

[1] Прогитлеровские политики.

ПОЖЕЛАЕМ ДОБРОГО ПУТИ!

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Е. Тиханова.

— Тридцать три... Виноват, еще есть из Пакистана. Значит, тридцать четыре... Таким образом, в гостинице живут представители тридцати четырех стран мира.

Этот разговор мы вели в одной из столичных гостиниц. В вестибюле царило обычное оживление, слышались многоязыкий говор, восклицания, смех. Люди в куртках с золотыми галунами проносили чемоданы с пестрыми наклейками, наглядно свидетельствовавшими, какой путь совершили их владельцы.

— И все они туристы?— продолжали мы нашу беседу.

— В подавляющем большинстве. Я причисляю сюда и мистера Кинга.

— Кто такой мистер Кинг?

— Представитель старейшей английской фирмы «Томас Кук и сын», занимающейся туризмом. Он приехал для переговоров о перспективах туризма в будущем году. Его фирма проявляет большой интерес к нашей стране.

— Только эта фирма?

— О нет! Вчера прибыли представители туристских организаций Германской Демократической Республики, Румынской Народной Республики...

— Приехали финны!— раздался чей-то голос, и сразу в вестибюле стало еще более шумно и тесно.

Не успели финские туристы разойтись по комнатам, как тот же голос возвестил:

— Армяне из Франции!

Они уже бывали в этой гостинице, и их встретили, как старых знакомых.

— Понравился Ереван?

Путешественники родились и прожили всю жизнь во Франции и только понаслышке знали о своей родине. Побывать в ее столице было целью их туристской поездки.

— Прекрасный город!— живо откликнулся Акоп Папазян.— Еще раз приеду в Ереван вместе с детьми.

— Вас хорошо встретили?

— Лучше всего встретили Араки Овнанян. Двадцать пять лет назад она оставила в Ереване мать и сестру. Теперь ее ожидало на вокзале больше двадцати человек. Сестра уже стала не только матерью, но и бабушкой.

Через некоторое время вестибюль вновь наполнился гулом: приехали туристы из другой страны. Из какой же теперь?..

И вот мы находимся в диспетчерской правления Всесоюзного акционерного общества Интурист. Сюда сходятся все сведения о передвижениях иностранных туристов и о тех советских людях, которые совершают туристские поездки за рубежи своей родины. Сюда поступают телеграммы из Варшавы и Парижа, сюда звонят по телефону из Хельсинки и Лондона.

Как раз зазвонил телефон. Вызывает Берлин.

— Да, да, Интурист слушает! Записываю. Сколько? Пятьдесят человек? Понятно. Выехали сегодня поездом?.. Хорошо. Супружеские пары две... Записала. Женщин восемь. Хорошо... Все будет сделано...

Теперь взял телефонную трубку сотрудник за соседним столом:

— «Метрополь»?.. Через час приедут румынские туристы. Все готово?.. Да, их уже выехали встречать. Имейте в виду, сегодня приедет 27 человек, а всего из Бухареста ждите 197 человек. Ясно?

Звонят с Внуковского аэропорта, где круглые сутки дежурят представители Интуриста:

— Из Киева прилетели чехословацкие архитекторы. С ними переводчик. Выезжают в «Националь».

Двадцать чехословацких архитекторов уже побывали в Ленинграде и Киеве. Они ознакомились со строительством жилых домов, осмотрели памятники архитектуры. Теперь им предстоит совершить экскурсию по стройкам столицы, по высотным зданиям и историческим местам.

Нет, они не устали после полета и готовы сразу приступить «к работе». Они себя отлично чувствовали в самолете. Вот шаржи, которые они рисовали друг на друга. Но раньше чем двинуться в путь, архитектор из города Зволен Густав Штадтруцкер от имени своих коллег делает заказ:

— К обеду — русские щи. Украинский борщ уже отведали.

У выхода из гостиницы чехословацкие гости встретились с членами палаты представителей Конгресса США, приехавшими в качестве туристов.

Американские конгрессмены уже побывали в Ленинграде. Там они попали «с корабля на бал»: им предложили посмотреть в Академическом Малом оперном театре балет «Семь красавиц». Они охотно согласились.

— Но одному придется остаться в гостинице: нас восемь, а красавиц только семь... Пусть старший останется.

Однако старший из путешественников, мистер Вулвертон, категорически отверг такое предложение...

Американцы гуляли по городу, заходили в магазины. В ленинградском Доме торговли им понравились «матрешки» — деревянные куклы, вставленные одна в другую.

— Сколько стоит этот набор из пяти кукол?

— Двенадцать рублей,— ответила продавщица.

Один из конгрессменов полюбопытствовал:

— А какова цена этого комплекта, поменьше?

— В нем три куклы. Он стоит четыре рубля пятьдесят копеек.

— Тогда заверните мне два таких набора. Это мне обойдется в девять рублей, и у меня будет шесть кукол.

Конгрессмены долго смеялись над выгодной сделкой своего коллеги.

Между тем в диспетчерскую продолжали поступать сообщения о кипучей туристской жизни.

Из Бреста:

— Проехали польские туристы. 30 человек...

Со станции Чоп:

— Возвратились из Чехословакии киевские туристы...

Из Одессы:

— Встретили группу голландских туристов...

Из Минска:

— Собирается группа туристов в Югославию...

Из Ленинграда:

— Уехали норвежцы...

Некоторое время назад с норвежскими туристами прибыл служащий Фредерик Бергстрём. Едва приехав в Москву, он заявил о желании посетить Ташкент: «У меня там друг». Его просьба была обсуждена другими норвежцами. Большинством голосов приняли решение поехать в Сталинабад. Это устраивало Фредерика Бергстрёма: путь лежал через Ташкент.

В бюро обслуживания гостиницы «Метрополь».

Идет урок английского языка. Его изучают горничные и официанты «Метрополя».

Лицо профессора Ди Чжэн-хуай засветилось улыбкой, когда Алимов представился ему. Они быстро заговорили по-китайски. Ди Чжэн-хуай, профессор Пекинского университета, пробудет в Москве несколько дней и поедет дальше, в Прагу. В Пражском университете он будет читать лекции по истории китайской литературы.

Теперь — в гостиницу и на отдых! А завтра поутру снова двинутся туристы в путь и к нам, и от нас, и группами, и в одиночку. Они хотят лучше узнать друг друга, чтобы жить в мире и дружбе.

Пожелаем им доброго пути!

Но удастся ли разыскать друга? Норвежец знал лишь, что фамилия его Ибрагимов и что до войны тот жил в Ташкенте. В годы войны судьба свела их в фашистском концентрационном лагере в Саксенхаузене, в Германии. Там они подружились. Вместе боролись с гитлеровской стражей, вели подпольную работу, организовывали побеги заключенных. Когда пришло долгожданное освобождение и Ибрагимов покидал Германию, чтобы возвратиться на Родину, они поклялись друг другу, что всегда будут бороться за мир, за дружбу между норвежским и советским народами.

В Ташкенте разыскали Ибрагимова, хотя пришлось нелегко, так как это одна из распространеннейших в Узбекистане фамилий.

Встреча была волнующей. Друзья обнялись, расцеловались. Ибрагимов пригласил друга-норвежца и его спутников на обед. Стол был украшен цветами. Узбек и норвежец, так много пережившие в гитлеровском застенке, рассказывали друг другу о своей жизни, вспоминали минувшие тяжкие годы. Они обменялись фотографиями и еще раз поклялись бороться за дружбу между народами.

...Пока нам рассказывали о трогательной встрече норвежца и узбека, поступили сведения, что из Парижа отправились в Москву французские туристы, а из Лондона — английские, что из Пекина выехали сирийцы, испанцы и египтяне, а из Праги — вьетнамцы. Едут группами и в одиночку. Едут португальцы и чилийцы, китайцы и бельгийцы. Едут служащие, артисты, коммерсанты и промышленники.

— Приготовьте комнаты для двух греческих туристов!

— Переводчика—для швейцарца. Он знает французский и немецкий!

— Автобусы — для ленинградцев, уезжающих в Румынию!

Новые гости Москвы — болгарские туристы.

Одна из туристок просит разыскать ее болгарскую подругу, которая учится в Москве, а в каком именно институте, она не знает. Можно ее найти?

Этим занялось бюро обслуживания гостиницы. Студентка вскоре была найдена, и подружки радостно обнялись.

Каких только поручений туристов не выполняет бюро обслуживания! Оно выдает билеты в театры и на экскурсии в Кремль, разыскивает родственников и знакомых, устраивает деловые свидания с артистами, композиторами, новаторами производства. Турист из Ирака хочет посетить мечеть, а жена швейцарского коммерсанта — купить икону. Швед, хотя он и турист, просит указать ему, с кем повести переговоры о покупке советской нефти, а финн интересуется, сохранились ли Сандуновские бани.

Одну просьбу, однако, не удалось выполнить при всем старании сотрудников бюро. Туристка с английским паспортом и русской фамилией просила показать ей... «ее бывшее подмосковное имение». Шофер исколесил добрые две сотни километров, но пассажирка так и не смогла найти «ее имения».

— Этого шоссе не было, но вот от рощи, кажется, налево,— говорила она шоферу.

— Вот, вот!— воскликала она, завидев вдали большой дом под черепицей.

— Так это же МТС, в прошлом году построили,— лукаво улыбался шофер.

— Боже, как все изменилось!..

Она расспрашивала встречных о «ее имении», но безрезультатно. Старый дед, пасший коров, вспомнил, что «при царе Горохе» было имение вон там, а чье оно,— запамятовал. Дорога привела в большой дом отдыха. Не дом, а дворец. Парк густой, благоустроенный. Кругом цветы.

— Нет, не то...

Постояла «англичанка», повздыхала и поехала обратно в гостиницу. А в дороге шептала про себя:

— Боже, как все изменилось!..

...Было уже близко к полуночи, когда мы поехали на вокзал к приходу пекинского поезда. Представитель Интуриста Владимир Алимов, молодой человек, окончивший несколько лет назад Институт внешней торговли, должен встретить китайского профессора.

Вот репродуктор на перроне возвещает на русском и китайском языках о приближении экспресса.

Гости из Чехословакии еще в самолете рисовали друг на друга шаржи. Вот это Брунцлик из Праги.

Это Гладкий из Братиславы.

А это Шкарда из Ческе-Будеевице

УДОБНЫЕ, СВЕТЛЫЕ ДОМА

Архитекторы А. Котли и П. Хярмсон у нового дома. Фото С. Розенфельда.

Мянннку в переводе на русский значит — Сосновка; это окраина Таллина. На осеннем ветру шумят высокие, тонкие сосны, воздух напоен смолистым запахом хвои. Здесь, в сосновых рощах, проложены улицы, среди стволов светлеют стены домов. Большинство из них построено после войны индивидуальными застройщиками.

На улице Вальдеку у новых домов, один из которых достраивается, часто останавливаются прохожие. Что привлекает их внимание? Здесь нет ни колонн, ни затейливой лепки, ни шпилей и башен. Дома хороши своей простотой, безукоризненными пропорциями стен и широких оконных проемов, веселым сочетанием красной черепичной крыши, зеленых дверей и оконных наличников.

Авторы проекта этих домов — архитектор Алар Котли и конструктор Вальтер Райдна.

Входим в один из домов. Через широкие, трехстворчатые окна в комнаты льются потоки света. Здесь много стенных шкафов, хороший подвал с удобным спуском, душ, который нагревается от плиты, небольшая веранда, обращенная окнами на юго-восток.

Дом этот задуман как типовой проект для индивидуальных застройщиков. Он двухэтажный, на нижнем этаже расположены две жилые комнаты и подсобные помещения, на верхнем — еще две жилые комнаты.

Примечателен материал, из которого строятся новые дома на улице Вальдеку: это стенные блоки, панели, перекрытия и другие детали, изготовленные на таллинском заводе «Кварц». Сборка дома из этих деталей (без фундамента и внутренней отделки) продолжается 44 часа. На сборке занято всего четыре рабочих, вооруженных одним автокраном.

Неподалеку строится еще один дом из блоков. Здесь использован новый, известный только в Эстонии строительный материал — пенокукермит. Дом будет большой, двухэтажный. Это — опытное типовое общежитие для ста человек. Авторы проекта — архитекторы П. Хярмсон, А. Вольберг и конструктор О. Саммал.

Н. ХРАБРОВА

К. В. Лемох (1841—1910). НОВОЕ ЗНАКОМСТВО. 1885 год.

Государственный Русский музей.

К. В. Лемох. БЕЗ КОРМИЛЬЦА. 1898 год. **Государственный Русский музей.**

РУССКИЕ ЖИВОПИСЦЫ

На 25-й выставке передвижников в 1897 году экспонировалась картина Н. П. Богданова-Бельского «У дверей школы». В. В. Стасов причислял эту работу к числу лучших на выставке. Очень теплыми словами он рассказывал об этом произведении, называя его «Нищий мальчик»: «...в лаптях и с мешком на спине, у дверей школы, в которую он заглядывает, должно быть, с интересом и симпатией; я говорю «должно быть», потому что он стоит к нам спиной; но хотя лица его и не видать, но из одной позы, наклоненной спины, из снятого картуза, можно понять, какое у него внутри почтение и какая жажда самому бы в школу попасть. Милая вещица!»

Картина эта создана художником два года спустя после его известной работы — «Устный счет. В народной школе С. А. Рачинского».

Крестьянин по происхождению, почти всю жизнь проживший в деревне, Богданов-Бельский избрал себе жанр — картины русской деревенской жизни, главным образом жизни детей-школьников, которыми он всегда был окружен, которых любил и психологию которых тонко чувствовал и понимал. Долгое время Богданов-Бельский был тесно связан с селом Татевым, с народной школой известного тогда педагога С. А. Рачинского, которому художник был многим обязан: именно Рачинский обратил внимание на художественные способности крестьянского мальчика, именно он определил Богданова-Бельского в свою образцовую народную школу. Эту школу и запечатлел позже художник в своих картинах.

С большой сердечностью, с глубоким сочувствием изображал жизнь русского крестьянства и другой художник-жанрист, К. В. Лемох. В одной из лучших своих картин — «Без кормильца» — он рассказывает о бедной крестьянской семье в пореформенную эпоху. Угол нищей деревенской избы, нужда во всем. Мать склонилась над больной девочкой, тяжелые думы одолели ее. Босоногий и оборванный мальчик постарше растерянно и печально смотрит на мать и сестру.

Небольшие картины Лемоха, всегда скромные по цвету, отличаются тщательностью и законченностью живописи, тонким проникновением во внутренний мир своих героев — несчастных и обездоленных людей. Образы, которые создает художник, всегда озарены сердечным отношением автора к ним.

Очень любил Лемох изображать крестьянских детей. К числу таких картин относится и вторая из публикуемых картин Лемоха — «Новое знакомство».

Большим успехом на выставках передвижников пользовались сочные по живописи, свежие и красивые по тону пейзажи С. Ю. Жуковского.

Пейзажам Украины и средней полосы России посвятил свое творчество К. Я. Крыжицкий.

А. АБРАМОВА

Н. П. Богданов-Бельский (1868—1945).
У ДВЕРЕЙ ШКОЛЫ. 1897 год.
Государственный Русский музей.

К. Я. Крыжицкий (1858—1911). ПОЛЕ.

Киевский музей русской живописи.

С. Ю. Жуковский (1873—1944). ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ.

Куйбышевский городской художественный музей.

ДЕВОЧКА С БАТЛЫМКИ

Рассказ

Инна ВАРЛАМОВА

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

1

Первая встреча с ней произошла почти десять лет назад на далеком севере, на одном из многочисленных притоков Оби.

По заданию окружной газеты я ездила к рыбакам Батлымского колхоза и провела с ними ночь на тоне.

Мы закидывали невод, варили уху из жирных муксунов, разговаривали у костра и снова по указаниям самого старшего из нас, дяди Ильи, увязая в прибрежном иле, тащили тяжелый, набрякший в воде, наполненный живым грузом невод. Это была чудесная ночь, мне не хотелось расставаться с моими новыми друзьями, но пора было возвращаться, и мы простились.

Встало солнце, засеребрилась далеко на востоке поверхность Оби, но над Батлымкой еще было сумрачно и тихо, и вода казалась грязно-зеленой. Я села в свою лодчонку, отплыла от берега.

— Счастливо! — крикнул мне дядя Илья.

Лодка моя летела навстречу солнцу, к Оби. Светлело небо, светлела река, и солнечные блики на воде становились нестерпимо яркими. Точно расплавленные серебряные слитки плыли на поверхности реки.

За поворотом Батлымка вдруг разлилась, образуя небольшое проточное озеро. В бухте у высокого берега притаился плашкоут — несамоходное грузовое судно, которое служит на севере для приемки рыбы. На палубе я увидела маленькую босоногую девочку со шваброй в руке.

«Видимо, дочка приемщика, — решила я. — Загляну-ка к ним в гости да заодно узнаю, сколько рыбы сдало за неделю звено дяди

Взобравшись на плашкоут, я спросила у девочки:

— Ты с кем здесь?

— С батькой.

— А где он?

— Поехал на рыбозавод. У нас весы отказали.

— А ты?

— А я вместо него.

— Тебе сколько же лет?

— Одиннадцать, двенадцатый.

— И ты помогаешь отцу?

— Ему без меня не управиться.

Я взглянула на плашкоут. Половина палубы была вымыта и выскоблена. Чисто — не придерешься!

— А еще что ты делаешь?

— Что придется... Качаем воду, когда наберется в трюмы, пересыпаем солью рыбу, лед таскаем с ледника — вон наш ледник, под горой. А надо, так и рыбу приму, и взвешу, и записать могу. Все делаем...

— А как в школу? Разве ты не учишься?

— Зачем не учусь? Обязательно учусь. В пятом классе, однако. Вот солнце подойдет сюда,— значит, полдень. Я сяду в лодку и поеду.

— Куда?

— В Батлым. Там наша школа.

— А мамы нет у тебя?

— Мамы нет,— вздохнула девочка.— Умерла. Батька на войну ушел, а маму медведь задрал. Она была охотница. Застрелила медвежонка и повесила шкурку вялить на чердаке. А медведица по запаху нашла. Три ночи подряд приходила к нашей избе и подкараулила маму. Так полголовы и снесла лапой. Жива-здорова возвращалась мама из урмана, а в родной деревне пропала ни за что. Правильно батя говорит: «Охотники, как саперы, только раз ошибаются». Такая, видно, ее судьба,— закончила девочка свой рассказ чужими, взрослыми словами.

— С кем же ты жила, пока отец вернулся?

— Меня дядя Илья Лазарев подобрал. Знаете его?

— Знаю. Хороший старик.

— Его все знают.

Девочка улыбнулась. Я подала ей свое удостоверение. Она побежала к шайке с водой, вымыла руки, вытерла их о передник. Потом бережно взяла бумагу и, быстро шевеля губами, прочитала написанное.

— Пройдемте в каюту, — пригласила девочка.

— Ты мне покажешь квитанции?

— Покажу.

Девочка раскрыла двери каюты. Я нагнула голову, чтобы не удариться о притолоку, и шагнула вперед.

— Ой, как славно тут у вас! — невольно воскликнула я.

Стены каюты были сверху донизу оклеены разноцветными этикетками от рыбных консервов. Синие, красные, желтые, зеленые, черные полоски — они были так искусно, с такой фантазией подобраны, что получались стройные и сложные орнаменты.

— Кто это клеил?

— Я! — ответила девочка и покраснела так, что маленькие уши ее сделались, как полевые гвоздики.

— Да ты художник! — восхищенно сказала я.— Скажи, а это что-нибудь означает или просто так? — Я указала на один из орнаментов, похожий на спираль.

Девочка смутилась.

— Это бы у меня лестница,— тихо ответила она.

— Лестница? — с интересом переспросила я.

— Ну да... Вот эти синие — лестница, а желтые — это бы ковер на лестнице. А она высо-око уходит и кружит, кружит...— Девочка на секунду прикрыла глаза, словно и впрямь только что поднималась по винтовой лестнице на высокую башню.

— А это что? — спросила я.

— Это бы речка.

— Желтая?

— Так ведь солнышко встает. А красное — это круги на реке. Ка-ак плеснет рыбина! Ну и пошли круги. А тут небо отражается голубое, и пень (мы его монахом называем), и облачко. Я хотела и плашкоут наш сделать, да нет у меня таких бумажек.

— Какие же надо?

— Сама не знаю. А только эти не подходят.

Я села на табурет, с трудом заставила себя сосредоточиться.

— Покажи мне, пожалуйста, квитанции.

Девочка протянула мне книжку с отрывными листками. По оставшимся корешкам можно было узнать все, что нужно.

— Ну, спасибо, — сказала я, вставая.

Перед тем, как выйти из каюты, я еще раз окинула ее взглядом. Чисто заправленная койка, овальное зеркальце, накрытый вязаной скатеркой стол, пихтовая веточка в бутылке... И эти чудесные орнаменты на стенках каюты! Сочетание цветных полосок над столом что-то напомнило мне.

— Это? — спросила чуткая девочка.— Это батькины медали. Ленточки. Узнаете? «За оборону Ленинграда», «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

Мы поднялись на палубу.

— Хорошо живется? — спросила я, глядя на загорелые и крепкие, слегка покрасневшие от утреннего холода босые ноги девочки, на ее короткий сарафан и маленькую белоснежную косынку, концы которой смешно торчали у нее на затылке в разные стороны.

— Нам? — задумчиво переспросила девочка и взглянула куда-то вдаль, поверх моей головы.

Глаза были карие, с темными точечками, а ресницы такие длинные и густые, что казались не черными, а темносиними. Девочка все молчала, и я любовалась мягким светом, падавшим на ее милое круглое лицо и детские плечи.

— Нам? — повторила девочка.— А для чего бы мне здесь с батькой сидеть, на плашкоуте? Гуляла бы себе на воле, в колхозе... И дядя Илья не хотел меня отдавать бате. Силом отбивал!

Уезжая с плашкоута, я крепко, как взрослой, пожала руку девочке и только гораздо позже с сожалением вспомнила, что не узнала ни имени ее, ни фамилии.

Утренняя девочка — вот как назвала я ее. Самая утренняя из всех девочек там, на Батлымке, в маленькой бухте под пихтами, моет палубу плашкоута в ранний час, когда низко над Обью движется огромное, рыжее, но по-осеннему нежаркое солнце... Моет палубу и радуется жизни, и ноги у девочки стройные и крепкие, чуть-чуть покрасневшие от утреннего холода, а глаза серьезные, добрые, проснувшиеся.

2

Вторая встреча была совсем неожиданной. И девочка, конечно, не узнала меня. Да, собственно, ей было не до того.

Это случилось в 1952 году, летом. Я ехала в Каховку. Мне не спалось, и в третьем часу ночи я вышла на палубу. То перейду на нос и смотрю вперед, где мигают бакены в непро-

глядной тьме, то сяду где-нибудь на связке канатов, на корме, и слушаю шум воды. Так спокойно, привольно и тихо на ночной реке! И пароход, пошлепывая плицами, идет вдоль невидимых берегов. Рядом с ним движутся по воде изломанные волнами отражения зелёных, красных и белых огней. Только по запаху полыни можно догадаться, что по берегам степь. И трудно понять, с какой скоростью движемся мы на пароходе. Иной раз кажется, что красный бакен впереди налетает на нас стремительно, как торпедный катер. Иногда же палуба будто застывает, мягко содрогаясь, между небом и водой.

На палубе, на носу парохода, едва различимые в темноте, прижавшись друг к другу, сидят мужчина и девушка. Их приглушенные голоса вплетаются в журчание воды. Одна фраза заставляет меня очнуться от моего бездумья. Что-то знакомое, далекое слышится мне в жарком женском шепоте.

— Понимаешь, Костя, такое лицо стало у бати. Как тебе рассказать... И счастливое и сердитое вместе. Будто хочет счастливое выражение согнать, спрятать. И не может. И такое получается жалкое лицо... Даже больно и немножко противно смотреть. Понимаешь?

— Понимаю, Зоенька, говори.

— Ну вот, опишу тебе. Сам загорелый, а лоб белый до половины. Волосы уже негустые, тонкие стали, послушные. Зачешешь их вниз — они и лежат. Сделаешь набок — и этак согласны. Две морщины вдоль щек, глубокие-глубокие. А глаза, ну вроде не старятся с годами, а молодеют! У нас, говорят, похожие глаза. С черными крапушками какие-то. А ресницы...— Девушка рассмеялась.— Мама, бывало, все бате говорила: «На что тебе ресницы этакие? Отдал бы мне...» И улыбка у него не сходит с лица, а как спохватится — скривит рот, ну, и жалко получается.

— Зоя, опиши меня! — попросил мужчина.

— Чего тебя описывать! Самое обыкновенное у тебя лицо. Вот лучше мачеху свою опишу. Знаешь, какая она? Лицо широкое, конопатое, а сквозь конопатки будто клюквенный сок брызжет. И глаза... Что такое, скажи мне, Костя, человеческие глаза? Через них если душа не глядит на мир,— значит, черная душа. Это точно. Проверено.

— Душа, душа! Нет никакой души!

— Есть,— убежденно тихо ответила девушка.— Живет у нас в деревне один человек, Нужин Ефим. Такой собственник несчастный! Все приговаривает: «Нужин ни об чем не тужит». И правда, всего полно в избе: и рыба соленая, и дробь, и брусника-ягода, и сметана. Он то выпишется из колхоза, то обратно вписывается. Как рыба идет по Батлымке, Нужин несет заявление к председателю. А кончилась путина — пришло время белковать идти в урман: тут ему одному лучше, снова забирает свое заявление обратно. До чего невыгодный для общества человек! И глаза у него бегают, рыщут, прямо не смотрят, черненькие, веселенькие, а грязные глаза...

— Ты про мачеху начала.

— А у мачехи, у Раисы, глаза именно чистые. Синие, яркие, как озерки таежные. Не глаза, а загляденье. Только все равно ненавижу я ее.

— Просто маленькая ты еще, Зоя,— серьезно и ласково сказал мужской голос.

— Может быть. Но ты подумай, Костя, могу ли я любить ее? Полюби человека, что отнял у тебя самое дорогое! А мы с батей уж так ладно жили на плашкоуте. То рыбаки приедут сдавать рыбу, то с завода заглянет директор, то с округа гости. Никто мимо не проедет! Не скучно нам. Всегда есть работа. И всегда все вместе с батей делаем. Уж так ладно жили!

— Любишь родные места, а уехала.

— И уехала. Сколько плакала! Слезы те, кабы цветные были, воду в Батлымке чисто бы перекрасили.— Девушка тихо засмеялась.— Раиса — она учительница. Приехала в деревню, а мужики так и зашныряли мимо ее избы. Тот дверь привесит, этот дров наколет. Батя, на что без руки,— и тот, гляжу, направляет крылечко Раисе. А она каждому улыбки дарит, не скупится. Я сразу не взлюбила ее. Ходит чистенькая. Всегда в белом платьице. И оборочки кругом: и на подоле и на рукавах. Все похожие платья, и все белые. Даже зимой белое носила. Придет зерно веять — смотреть чудно,— будто на гулянье. И картошку копать и на тоню к рыбакам — всюду ходила в белом.

— А ты ее осуждаешь за это?

— Нет, за это не осуждаю. Я за другое. Батя каждый вечер повадился ездить в Батлым. Я пригрозилась: уйду к дяде Илье. Не помогло. Однажды сижу на плашкоуте, светло еще, ноги спустила, бросаю рыбе хлебные крошки, вижу, едут: Раиса в гребях, батя на корме. И это самое выражение на лице: и хорошо им и стыдно. Я сразу поняла: любовь закрутили, бессовестные. Она только на плашкоут, а я ей: «Еще учительница, вы маминого ногтя не стоите, мама один на один на медведя ходила, мама была храбрая, пригожая, умная, а вы нехорошая, вы всех мужиков завлекаете и батьку моего сбили с панталыку. Уходите с нашего плашкоута!» Щеки загорелись у нее, а батька потемнел, сжал кулаки: «Слово скажешь...» — и не договорил. Повернулся к Раисе, взял ее за руку и повел в каюту. Сводит по ступенькам за руку, точно боится, что она сейчас разобьется, как карманное зеркальце.

— Любил, значит,— сказал мужчина.

— Это точно, что любил. Стала к нам Раиса ездить на плашкоут. Я больше ни слова не говорила ей. Даже «здравствуй» не говорила. А батя, хоть тогда и покричал, словно начал бояться меня. Даже работать перестал заставлять: «Зоюшка, дочушка, в клубе интересная картина, пойди развейся, я сам рыбу переберу». И, правда, переберет, только ему, однако, Раиса помогала. А не то гостинец привезет из рыбозаводского магазина: кофточку рижскую подарил, туфли на высоком подборе. Но я не поддаюсь. Такая мне обида, такая мне тоска — опротивело все! Уехал как-то батя с Раисой ставить сети, а я зашла в каютку и посдирала со стен все картинки. Сама сдираю, сама реву, ну, точно сердце свое, детство свое кромсаю на лоскутки. Батя пришел, посмотрел, покачал головой и лег. А я на палубе села и сижу.

— Бить тебя некому было,— ласково произнес мужчина.

— Ты слушай. Вдруг стон из каюты. Кинулась: не кончается ли там батя часом? А он плачет. Навзрыд. Схватился с койки, вытолкнул меня из каюты и еще сильнее зашелся. Ну, думаю, баста! Нужно кончать такую глупую жизнь. Ни себе корысти, ни ему. Уеду. Решила, уеду, и сразу стало мне легче. Легла спать, уснула. Давно так покойно не спала, как в ту ночь.

Девушка умолкла и долго молчала. Я услыхала, как молодые люди тихо поцеловались в темноте. И опять сидели молча, обнявшись, а темная теплая река бежала мимо, журча за кормой, изредка вспыхивая далекими огоньками.

— Костя, дурная я? — вдруг с силой, громко спросила девушка.— Гадкая, да? — Она будто спрашивала и реку, и звезды, и берега. Все было вокруг таким величавым, благоуханным, совершенным, и девушка проверяла себя через эту красоту.

— Батя наутро мне сказал, что решил жениться на Раисе: «Злая ты, недобрая ты, извела ты меня. А за что?» Раиса, мол, чистая, образованная, тихая, матерью будет тебе, мне — хозяйкой. Покорись, мол, дочка, я тебе сто раз отслужу... А я ответила, что уеду. Никогда не забуду, как посмотрел на меня батя. И будто жалеет он меня, и укоряет, и против воли радость выразил его взгляд. Сразу погасил он эту радость, но я заметила ее.

«Куда ты? — говорит. — Мала еще, дома сиди». А я читаю в его глазах: «Дочка, поезжай, развейся, жизнь посмотри, у людей поучись и отца... прости».

— Что ж, простила? — спросил Костя.

Зоя не ответила. Пароход наш двигался вперед мягкими и мощными толчками машины, частыми, как удары сердца.

— Смотри, Костя, вон уже рассвет! — вдруг сказала Зоя.

— Это не рассвет, это Новая Каховка.

Бледнорозовым стало небо над горизонтом. Ясно обозначился трепещущий флажок на носу парохода. В приближающемся городе в котловане горели бесчисленные огни. Палуба наполнялась пассажирами. Гулко, протяжно зазвучал привальный гудок над Днепром. Речные трамваи, сияя огнями, отваливали от причала, освобождая место пароходу.

— Здравствуй, утренняя девочка! — сказала я негромко, но внятно, когда проходила с чемоданом мимо Зои. Она оглянулась, но, видимо, не поняла, кто заговорил с ней в толпе. И все же она ответила доверчиво и просто:

— Здравствуй, Новая Каховка!

Свою знакомую с далекой Батлымки я не видела после этого довольно долго. А с Костей мне однажды довелось встретиться. Еще когда мы высаживались с парохода на пустынный каховский берег, я пыталась рассмотреть Костю. Меня волновал вопрос: кто он, откуда? Когда успел познакомиться с Зоей?

Зоя мало переменилась, только очень выросла, раздалась в плечах, но лицо и самое его выражение — радостное, как будто немного удивленное — сохранилось. Глаза, карие, ясные, с густыми ресницами, весело смотрели кругом.

— Ой, нелюдимо-то здесь как! — воскликнула она.— Ой, а родничок бежит... Кружки нет, Костя? Куда пойдем? Палатки, гляди. Здесь, однако, все в палатках живут? Интересно, батюшки!

— Студенты только,— пробасил за ее спиной чей-то грубый голос.

— Ой, жалость! — сказала Зоя и засмеялась, взяв Костю под руку.

Вот тут я и разглядела его лицо. Оно было действительно обыкновенным, ничем не примечательным. Русые волосы, откинутые назад, серые глаза, родинка на щеке. Я подумала, что если завтра встречу его на улице, то не узнаю. И тут он улыбнулся Зое. Давно известно, что если улыбка красит человеческое лицо, то она обворожительна. Здесь же мало было сказать, что она красила лицо юноши. Добрая, щедрая улыбка составляла как бы основу этого лица, его главную примету. Все по-новому заиграло, засияло в нем — и

небольшие глаза, и ямочки на щеках, и самая родинка. Она неожиданно полезла вверх и словно бы тоже улыбнулась.

«Ну, я не забуду тебя, дружище!» — подумала я и пошла на крутой берег, по щиколотку увязая в не успевшем остыть за ночь тонком каховском песке.

Однажды я проснулась от шума и скрежета под окнами гостиницы. Наше двухэтажное, наспех выстроенное здание стояло посреди еще пустого, изрытого ямами квартала. Кое-где из песка торчали колышки, обозначая углы будущих зданий. И вот наконец пришел на пустырь бульдозер. Он урчал, тарахтел гусеницами, ходил без конца взад и вперед по двору, где наращивая холмы песка, где, наоборот, выкапывая новый котлован. Яркие фары его выхватывали из темноты то оранжевый осколок кирпича, то битое стекло. Нож бульдозера посверкивал голубоватыми бликами. Спать было невозможно, я вышла во двор и села на перевернутой тачке. Бульдозерист, видимо, заметил одинокую фигуру у дома, заглушил мотор и приоткрыл дверцу.

— Что, спать помешал? — спросил он меня.— Все равно ночь пропащая, садитесь в бульдозер, покатаю.

Я подошла и разглядела в темноте лицо парня с удивительно красивой улыбкой.

— Костя? — вырвалось у меня.

— Вы меня знаете? — спросил он, всматриваясь.

Пришлось сознаться, что слышала разговор на палубе. Рассказала и о первой своей встрече с утренней девочкой. Костя как будто даже обрадовался.

— Ну, чудеса! — воскликнул он.— Вот жизнь закручивает, почище художественной литературы... Вам нравится «Ромео и Джульетта»? Не смейтесь! Мне всегда казалась немного примитивной эта пьеса. Во всяком случае, для нашего времени... Ну, скажите, кто сейчас влюбляется с первого взгляда? Положим, бывает, но я считал, что это глупо. Мы должны искать в девушке друга, правда? — Он улыбнулся.— А с первого взгляда легко ошибиться. Словом, отвергал. И вот сам...

— Влюбились? — подсказала я.

Костя даже замахал руками.

— Не то слово. Не влюбился, нет. Нашел! Понимаете, нашел ее! С первого взгляда.

— Где же вы ее встретили?

— В том-то и дело, что случайно. На вокзале в Москве. Могли бы разойтись, и тогда...— Костя даже потемнел, представив себе, что было бы, если бы они не встретились там. И вдруг рассмеялся: — Дурак я. Она же в Каховку ехала! И я тоже. Все равно бы встретились, только позднее.— Он покачал головой, удивляясь своей несообразительности.— Вижу, идет. Высокая, ни на кого не похожая. Увидела меня, вроде мельком взглянула — и улыбнулась. Будто я ей знакомый или родной. Право... Мы с ней встали в очередь за билетами, разговорились. Спрашиваю: «В Каховку?» Она: «Конечно». Ну, и я: «Конечно». По пути я ей все рассказал про себя, и она — мне. Никто никогда! Нет, даже и подумать страшно, чтобы другая... Интересный случай?

Что я могла ответить ему? Каждая любовь — интересный, необыкновенный, сказочный случай. Тем более, что это трудно назвать случаем, а влюбленным он кажется предопределением.

Долго ездили мы с Костей по пустынному ночному двору. Бульдозер, урча, перекатывал впереди себя тяжелые песчаные валы, потом отходил, словно набираясь сил, и снова полз, упорный, трудолюбивый.

— Когда свадьба? — уже на правах старого друга спросила я.

— Не знаю,— вздохнул Костя.— Не хочет пока выходить замуж. Говорит: «Я на батькину свадьбу не дала согласия и свою тоже не хочу справлять без него». Пословицу приводит: «Не делай другому того, чего для себя не желаешь». А как тут быть? Бате к нам, в Каховку, ехать далеко. И нам на север — не ближе. Отпуска не хватит даже на дорогу в одну сторону. Просто беда мне с ней.— Он помотал головой.— Да только она упрямая, а я хитрее. Сам бате написал письмо. Верное дело! Он поймет меня, я знаю.

— А вы-то, Костя, понимаете Зою? — спросила я.

Он приложил к груди большую темную руку.

— Я хорошо понимаю. Ей тяжело, что она так расссталась с батей. Давно догадалась, что прощать его не за что. Ну, и мучается стыдом, себя наказывает. А вместе с собой и меня.

Наказанный улыбался своей счастливой, доброй улыбкой.

* * *

Холодным зимним днем я шла с котлована в город через арматурный двор. Ветер, резкий, налетающий порывами, заставлял сгибаться пополам, сбивал с ног, рвал одежду, перехватывал дыхание. Редкие злые снежинки хлестко били в лицо. Ночью наступило похолодание, и снег, что всю неделю спокойно и тихо садился на землю, сейчас смерзся и скрипел, звенел под ногами. Новые снежинки не прилипали к твердому насту. Неприкаянные, они бежали по ветру, вдоль дорог. Небо низко нависло над головой и, казалось, всей тяжестью своей давило на плечи. Утро, едва забрезжив, словно так и застыло на пути, не превратившись в день. А вскоре начало понемногу темнеть.

Я не первый раз шла этой дорогой, арматурным двором. И — странно — всегда у временной колеи за цементными складами мне преграждала путь длинная, десятитонная машина «ЯЗ» с медведем на радиаторе. Небольшой кран грузил на нее арматурный пакет. Сегодня такая задержка показалась мне особенно досадной. Огромная металлическая форма, покачиваясь в воздухе, медленно плыла к машине, затем так же медленно и осторожно опустилась на постель из деревянных балок, установленную в кузове с опущенными бортами.

Пока развязывали тросы, я рассмотрела кран. Это не был серебристый красавец портальный кран, похожий на гигантского лебедя. И не мощный, приземистый «Уралец» и не остроумный «Деррик». Это был самый обыкновенный и даже не очень опрятного вида «Ковровец». Но как уверенно и точно он двигался, как прочно стоял на земле этот неказистый работяга!

Мне захотелось взглянуть, кто им управляет.

Сквозь запотевшее стекло кабины мелькнуло знакомое женское лицо. Это была моя девочка с Батлымки. Теперь я уже не досадовала на вынужденную задержку; наоборот, мне захотелось понаблюдать, как работает Зоя. До конца смены оставалось не более получаса, имело смысл подождать, и я осталась.

«ЯЗ» с арматурой, покачиваясь, опасливо двигался по скользкой, накатанной дороге, а навстречу ему шел следующий — за новым пакетом. Осторожно, чтобы не зацепиться за толстые балки, нависающие над бортами, машины впритирку проехали одна мимо другой. Когда новый «ЯЗ» остановился у крана, пакет уже был на пути к кузову. Ветер свистел между железными прутьями, раскачивал тросы. Пакет на этот раз лег неудачно, чуть вкось, грозя перевернуться. Тогда стрела приподнялась, и тяжелая ноша ловко и точно легла на машину.

Мне трудно было связать вместе ту далекую девочку со шваброй в руках и даже недавнюю, что сходила с парохода на каховский берег и радостно воскликнула: «Эй, нелюдимо-то как!»,— с тем уверенным человеком, чье напряженное, нахмуренное лицо виднелось сейчас за стеклом; человеком, который управлял на моих глазах мудреными механизмами, поднимал многотонные тяжести.

Ровно в пять, вместе с гудком, по лесенке крана взобрался парень в замасленном треухе.

— Зоечка, извини! — услыхала я его голос.— Чуть припозднился. В другой раз, может, тебе придется...

— Мне не придется,— отрезала Зоя.

— Аккуратистка, не загадывай! — засмеялся парень.

— Я что загадаю, у меня все исполняется,— отвечала ему Зоя.

Вскоре она сошла с крана, приостановилась, чтобы надеть варежки, потуже завязать пуховой платок на голове. Зоя была в обычном наряде женщин, работающих на стройке: телогрейка, штаны и поверх них широкая юбка. Но все это на ней выглядело как-то необыкновенно ладно пригнанным, даже щеголеватым, а юбочка в шотландскую клетку в этот серый денек своей яркой расцветкой особенно радовала глаз.

Я подошла к Зое, поздоровалась, назвала себя. Серьезно, открыто посмотрела она на меня из-под мягкого платка. Только чуть зарделась румянцем.

— Пойдемте! — И мы пошли по шпалам.

Кругом по арматурному двору вспыхивали синие электросварочные огни, разрывая мглистое освещение холодного зимнего дня.

— Погодка-то сибирская! — заметила я.

Зоя, искоса взглянув на меня, усмехнулась.

— Забыли вы, однако, сибирские погоды.

— А вы не забыли?

Зоя вздохнула.

— Я ни о чем не могу забыть.

— Что же,— сказала я.— Можно и вернуться. Или держит что-нибудь?

— Возвращаться по следу нетрудно. А вот новые тропы искать? — Зоя взмахнула тяжелыми, заиндевевшими ресницами.— Мы с Костей решили: не надо повторять ничего. Новое лучше.

— Поженились все-таки? — улыбнулась я.

— Нет еще,— снова бросив на меня быстрый взгляд, сказала Зоя.— Можно бы... да нет. Что письмо? Конечно, хорошее, ласковое письмо. Но пусть лучше сами приедут к нам летом повидаться. Как раз шлюз будем пускать, начнем намывать плотину через Днепр. Надо им тоже на мир посмотреть, развеяться... Ничего, что долго ждать. Мы подождем с Костей.

Я вспомнила его улыбку и поверила, что он будет, если нужно, еще долго, долго ждать.

— Хорошо живется? — как и там, на плашкоуте, спросила я Зою. Что-то в ней было такое, что невольно вызывало этот вопрос.

— Очень! — ответила она.

На перекрестке Зоя остановилась, подала руку.

— Куда же вы? — удивилась я.— Ведь в город дорога одна.

— А я на станцию, в Ермаки. Там где-то Костя со своим бульдозером расчищает дороги от заносов. Утром сказал мне, что будет работать две смены. Хочу проведать,— застенчиво добавила она, опустив свои мохнатые, белые от инея ресницы.

— Привет ему! — крикнула я вслед Зое, уходившей от меня по занесенной сугробами дороге.

Она шла, полусогнувшись, с трудом преодолевая холодный, колючий ветер.

И я подумала о ее матери, сибирской охотнице, что одна на один ходила на медведя. Не струсила, не отступила бы и Зоя: той же породы, той же закалки человек.

В долине расположился поселок Тетюхе.

ХОЗЯЕВА СВИНЦОВОЙ ГОРЫ

С. ФРИДЛЯНД,

специальный корреспондент «Огонька»

С вершины далеко видна приморская тайга. Где-то здесь через гремящие горные потоки, сумрачные теснины ущелий и крутые сопки прокладывали свои трудные пути-дороги Арсеньев и его проводник и друг Дерсу Узала. Пейзаж напоминает огромное зеленое море, волны которого, раз взметнувшись, замерли в неподвижности на долгие тысячелетия.

Таежные просторы Сихотэ-Алиня кажутся безлюдными и безмолвными. Но знающий человек сразу укажет на едва видную сквозь просветы буйной растительности ленточку, вьющуюся по склонам гор. Это автомобильная дорога, протянувшаяся на сотни километров. Спутник, инженер, обратил наше внимание на одну из сопок с мягко очерченными, как бы проутюженными морскими ветрами склонами. В недрах этой сопки добывается свинцовая руда. Вскоре мы достигли узкой пади Партизанская — название хранит память о дальневосточных партизанах.

Гора Верхняя повернулась сюда своей промышленной стороной с широкими песчаными пролысинами в местах разработок и длиннейшим бремсбергом, по которому доставляются вагонетки с грузом.

Там, где горы раздвинулись, образуя долину, расположился большой поселок Тетюхе. Здесь живут работники Сихотэ-Алинского комбината Сихали.

С некоторыми из хозяев свинцовой горы мы познакомились в рудном забое.

Забой напоминает обширный подземный грот. На изломах светлосерых стен, как на сталактитах, дробятся огоньки шахтерских лампочек. Без устали вгрызаются жала молотков в неподатливое рудное тело. Бурильщики готовят шпуры — глубокие отверстия для взрывчатки.

Затем в забой приходит взрывник.

— В нашем деле человек должен быть очень внимательным. Семь раз проверь, а на восьмой пали. Вот тогда тихо, спокойно взорвется,— сказал Борис Федорович Мирош.

— Можно ли как-нибудь ухитриться сфотографировать момент взрыва?

— Снять-то можно, но узнать, правильной ли была выдержка, вы уже не сможете...— без всякого юмора ответил взрывник.

Когда все удалились в безопасную зону, Борис Федорович поджигает шнуры и не спеша, так как все рассчитано по секундам, заходит в безопасный уголок. Грохочет близкий взрыв. А когда забой был проветрен, горняки с удовлетворением посмотрели на плоды их нелегкого труда — хаотические груды отнятой у горы руды. В ней — свинец.

Наиболее запоминающимся оказалось знакомство с потомственным тетюхинским рудокопом Степаном Тихоновичем Никитиным.

О Никитине говорят, что он живая история рудника Верхний. Почти тридцать лет назад он стал к буру рядом со своим отцом Тихоном Федоровичем. В ту пору здесь хозяйничали иностранные концессионеры. В забоях работали ручными молотками. Степан Тихонович был уборщиком, коногоном, тачечником, бурильщиком, проходчиком и стал одним из лучших начальников участка. Он хорошо помнит, как захудалое, хищнически эксплуатируемое хозяйство превратилось в большое предприятие, оснащенное современной техникой. Коногонов сменили машинисты электровозов. Расширилась обогатительная фабрика, а за ней и плавильный завод. Долина Тетюхе застроилась удобными жилыми домами, а в низинке, у бегущей по камням реки, вечерами светится электрическими огнями красивый Дворец культуры.

На поверхности снова солнце, кажущееся особенно ярким после длительного путешествия под землей. Рукой подать до гор, сплошь укрытых зелеными лесами. К их подножию, на обогатительную фабрику, спешит доставить руду маленький, почти игрушечный паровозик.

Дальнейший путь руды — к плавильному заводу.

Вперегонки с поездом, то приникая к насыпи, то отдаляясь, спешит к побережью мелководная, но быстрая речка. К концу тридцатикилометровой дороги горы раздвигаются, и впереди уже видны синие просторы Японского моря. У самого берега дымят тонкие высокие трубы плавильного завода.

Увесистые чушки чистого свинца с маркой «Сихали» приготовлены к погрузке на пирсе бухты Тетюхе. Им предстоит далекий путь на заводы страны.

Возвращаясь во Владивосток, мы снова остановились на вершине перевала и вновь окинули взором Сихотэ-Алинскую тайгу. Но теперь она уже не казалась нам безлюдной и безмолвной.

Забой напоминает обширный подземный грот.

ВЫМПЕЛ ПЕРСЕЯ

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

1

Один из самых увлекательных мифов Эллады повествует о герое Персее: он победил морское чудовище и вырвал из плена прекрасную Андромеду, прикованную к береговой скале.

Звездочеты древности назвали Персеем яркое созвездие северного неба. Моряки в высоких широтах видят Персея круглый год, за исключением нескольких дней поздней весны.

Этим же именем был назван первый советский научно-исследовательский корабль.

Краткую историю героического «Персея» я записал в Мурманске со слов капитана Степана Дмитриевича Копытова.

В будущем году капитану исполнится семьдесят лет, а плавать он начал тринадцатилетним юнгой на паруснике. Десятилетия суровой морской службы пошатнули здоровье Степана Дмитриевича, одышка мешает ему порой говорить, но и намека на старческую усталость нет в его облике. Из-под взъерошенных бровей смотрят на собеседника умные, зоркие, много видавшие глаза. До синевы выбриты морщинистые щеки, с флотской тщательностью завязан традиционный черный галстук моряка.

...В голодном и холодном двадцать первом году Владимир Ильич Ленин подписал декрет о создании Пловучего морского научного института (Плавморнин). А вскоре на родину Копытова, в Архангельск, пришло решение Совета Труда и Обороны: передать для научно-исследовательских целей деревянную шхуну водоизмещением в пятьсот пятьдесят тонн, что стояла в Лайском доке вблизи Архангельска.

Шхуна была заброшенной. Остался от нее только один голый, пустой корпус.

И вот пришли настоящие хозяева. Машину и котел сняли с затонувшего буксира «Могучий». На кладбищах старых кораблей, на портовых складах раздобыли снасти, инструмент. В носовой части корабля сделали лабораторную рубку. Здесь над высоким столом устроили гнезда для банок, без которых не могут обойтись океанологи: они берут пробы морской воды, изучают планктон. Сделали так, чтобы у научных сотрудников все было под рукой и все закреплено на случай качки.

Прошло немного времени, и на свежем морском ветерке затрепетал вымпел необыкновенного корабля — на нем была синева неба и звезды причудливого созвездия.

Много тысяч миль прошли отважные исследователи северных морей под вымпелом «Персея». Огибали белые от вечного снега скалы Шпицбергена, бросали якорь возле безлюдных берегов Земли Франца-Иосифа, боролись с туманами и пловучими льдами у Новой Земли.

...В тумане слышен вой сирены,
И плещут волны через борт,
Слепит глаза морская пена,
А все ж у нас на румбе норд.

Так пели персейцы сложенный ими гимн на мотив революционной песни «Кузнецы».

Более восьмидесяти полярных рейсов совершил «Персей» до начала войны. Сотни листов карт неизведанных океанских просторов и глубин, тома научных работ на русском, английском и французском языках — таковы были результаты экспедиций «Персея».

Персейцы помогли труженикам рыбного Мурмана глубже познать богатства Баренцова моря, открыли новые районы лова; один из этих районов на северо-западе моря был назван Возвышенностью Персея.

Экспедиционное судно «Персей». 1922 год.

Капитан С. Д. Копытов (второй справа) с группой молодых моряков тралового флота.

Фото Б. Вирина.

В порт возвратился из дальнего рейса гидрологический корабль «СРТ-440». Капитан судна комсомолец Григорий Поваренкин прощается с Кирой Александровной Седых

— А в сорок первом погиб наш «Персей» от бомбы.

Степан Дмитриевич произнес эти слова с той негромкой, сдержанной болью, с какой друг вспоминает любимого товарища.

— С обломанной мачтой, полуобгоревший пошел на дно...

2

Теперь время рассказать о том, про что сам Копытов по скромности своей не говорит...

Болезнь сердца заставила Степана Дмитриевича сойти на берег. Он стал работать в штабе промысловой разведки Мурманского бассейна. Дел у разведчиков было много: после войны рыболовный флот Мурмана стремительно вырос, и старых, изведанных районов лова уже становилось недостаточно.

Однажды, изучая материалы экспедиции «Персея», Степан Дмитриевич надолго задумался над листом карты, на который был нанесен участок к юго-западу от острова Медвежий.

Этот участок моря давно уже занимал мысли старого капитана. «Медвежку» он знал хорошо. У затерявшегося на полпути между берегами Норвегии и Шпицбергеном скалистого островка всегда брали большие уловы трески и окуня. И промысловые корабли редко отклонялись от курса, ибо ни западнее, ни южнее «Медвежки» рыбы, по общему мнению, не было. Так значилось и в лоциях и в наставлениях.

Что приковало внимание Копытова? На некоторых точках карты были помечены небольшие глубины в триста шестьдесят и триста восемьдесят метров. Тут могла быть «банка», то есть возвышенность морского дна. На «банках» обычно и скопляются массы рыбы. Но цифры «360» и «380» были обнесены пунктиром. Пунктир — это знак сомнения.

Усомнился вначале и Копытов. Промеры производились, видимо, очень давно. Он раздвинул ножки циркуля и коснулся остриями двух точек. Ого! Промежуток между показанными глубинами достигает почти ста миль. А что посредине? В сущности, белое пятно. И вот что еще интересно: цифры других глубин в этом районе моря резко отличаются от тех, что обведены пунктиром. К западу, в сторону Атлантического свала, глубины достигают уже полутора тысяч метров и больше.

Карта не давала покоя. Опыт тех трудных тридцати пяти лет, что отдал Степан Дмитриевич траловому лову в бурном море Баренца,— этот опыт подсказывал: здесь надо искать рыбу. Искать! А нигу держит на берегу.

— Помогите разведке,— попросил Копытов знакомого капитана промыслового траулера «Кит» Иванова.— Пройдете к «Медвежке» вот так,— показал он на карте,— миль восемьдесят крюку...

— Будет сделано, Степан Дмитриевич!

...Как ждал он радиограммы с «Кита»! Первые сообщения были невнятные. На месте, указанном по старой карте, «банки» обнаружить не удалось. Но в семи—восьми милях северо-западнее эхолот показал глубину от трехсот двадцати пяти до трехсот семидесяти метров. Потом радио сообщило, что жестокий шторм заставил «Кита» уйти из квадрата, не закончив обследования.

— А трал там спускали?— спросил Степан Дмитриевич Иванова.

— Три траления. По полтонны всего...

— Ничего. Если есть полтонны, то будет и десять.

Мало кто в Мурманске разделял тогда это оптимистическое убеждение. Два траулера попытались по дороге к «Медвежке» прощупать дно в тех же местах, где ходил «Кит», но снова разразился шторм — и Копытов не получил подтверждений гипотезы. Однако он не отступил.

Кое-кто начинал уже посмеиваться над ним, намекать на годы. Чудачит, мол, фантазирует старик!

Собрался промысловый совет главка. Степан Дмитриевич потребовал, чтобы к предполагаемой «банке» послали специальный поисковый корабль. Отказали...

— А я бы все-таки послал...— сказал Копытов начальнику промысловой разведки капитану Константину Лаврентьевичу Буркову, когда они оба вернулись с заседания совета.

— Но ты слышал, что ответил Платон Васильевич? (Так звали начальника главка.) «Категорически запрещаю...»

— Слышал,— хмуро отозвался Копытов.— Но рыба там есть, а это важнее соображений Платона Васильевича.

Бурков был земляком Копытова, тоже из бывалых капитанов. Чувствовал Степан Дмитриевич доброе к себе отношение Буркова, но понимал, что тот не хочет идти ради него на риск.

Растревоженный, осунувшийся, он встал из-за стола, заложил руки за сутуловатую спину и прошелся по кабинету. Потом приблизился к стене, раздвинул шторку. Открылась огромная карта Баренцова моря, разбитая на нумерованные квадраты, испещренная значками и флажками. Копытов несколько минут молча вглядывался в карту. Бурков тоже молчал.

— Беру ответственность на себя,— повернулся Степан Дмитриевич к Буркову.— Ты об этом ничего не знаешь...

И назавтра сам подписал рейсовое задание капитану поискового траулера Черкову.

— Владимир Борисович, выручай старика,— только и сказал он, пожимая на прощание руку Черкову.

Понимал Степан Дмитриевич, на что идет. В случае неудачи... Ну что же! Разве не рисковали персейцы при обстоятельствах куда более сложных?! Разве покойный друг его капитан Демидов не пренебрег опасениями маловеров и не открыл до войны промысловый район, который на всех промысловых картах значится ныне как «Банка Демидова»?!

...А Черков уже приближался к району цели. Слепой белесый туман поднялся над морем. Словно гигантская мохнатая туча накрыла маленький траулер. Он бросал трал за тралом, прощупывая дно, которое порой острыми камнями рвало сети. Сколько раз поднимали «колеса», то есть нули! Но Черков упорно продолжал поиск.

И пришел день, когда Черков смог радировать, что за один подъем взял три тонны окуня.

Потом четыре.

Шесть.

Десять!..

— С полным идут!— поздравил Степана Дмитриевича повеселевший Бурков, размахивая свежей сводкой.

Поисковый корабль вернулся в Мурманск в флагах расцвечивания.

На смену Черкову направили второй корабль, и он тоже доставил в порт полный груз рыбы. Забывший свои грозные запреты начальник главка распорядился перебросить на новую «банку» также и промысловые траулеры.

«Район Копытова»—пишут теперь в сводках и на географических картах. Там ведут лов не только советские, но и английские, французские, норвежские корабли и корабли других флагов. Лишь в прошлом году район этот дал стране более двухсот пятидесяти тысяч центнеров рыбы.

3

Но вернемся к истории «Персея».

Она не заканчивается тем мрачным днем, когда враги человеческой цивилизации ударом торпеды отправили корабль на дно. Живы на Мурмане традиции «Персея», и есть наследники его дела.

Не так давно довелось мне наблюдать в Баренцовом море работу штаба промысла. Траулер достиг 76 градуса 40 минут северной широты. Раньше только научные экспедиции добирались в эти места, теперь же десятки «пахарей моря» бороздили своими тралами дно. Мы находились на Возвышенности Персея.

В тесной радиорубке у микрофона сидел капитан Константин Лаврентьевич Бурков. Мы познакомились с ним еще в Мурманске у Копытова.

— Скоро у вас четыреста сороковой?— поторапливал Бурков радиста.

Предстоял разговор с гидрологическим кораблем «СРТ-440», забравшимся на «морскую целину»— в малоизученные районы между островом Эдж и архипелагом Земля короля Карла.

Наконец связь наладилась. И неожиданно вместо привычного сипловатого мужского баска звонкий женский голос наполнил рубку:

— На поверхности температура более трех градусов... Скачок довольно резкий... Есть «язычки» теплой воды...

— Кира Александровна, проверьте еще раз. Не торопитесь с выводами.

Я спросил, кто эта женщина.

— Кто?— Бурков не спеша набил трубку, умял пальцем табак.— Это наука. Седых Кира Александровна из Полярного института. Неугомонная женщина. Между прочим, многому училась у нашего Степана Дмитриевича.

Вечером рядом с записями о «Персее» легла в блокнот запись о скромном, малоизвестном кораблике «СРТ-440». Плавают только четвертый год. Шефствует над ними Копытов. Инструктирует перед каждым рейсом, связывается по радио, когда молодая команда испытывает затруднения. Сделано уже около тридцати полярных рейсов, почти пять тысяч океанографических «станций». А что такое «станция» на исследовательском судне? Ложатся в дрейф или — при шторме — идут носом на волну и берут образцы грунта, измеряют температуру воды на разных горизонтах, производят всевозможные исследования. Вот сегодня Седых сообщила об обнаруженных теплых «язычках» в студеных водах, где уже нередко встречаются айсберги. Важное наблюдение! Где теплые «язычки», там может быть рыба.

Спустя месяц, возвратившись в Мурманск, куда уже прибыло из далекого рейса и гидрологическое судно «СРТ-440», я познакомился с его командой.

— Знаете, у нас привилегией было — получить право в конце дня зачеркнуть число на календаре,— рассказывает высокий светлоглазый комсомолец Григорий Поваренкин, капитан «СРТ-440».

— Выходит, дни считали?

— Зачем?— по-юному смущается Поваренкин.— Море мы любим. За рейс знаете, сколько надо успеть?— Он достал из угла каюты свернутую трубкой самодельную карту и разложил на столе.— Сто двадцать тысяч квадратных километров в этом листе. Все глубины, рельеф дна... Наша работа... Прошлый рейс снимали «район Копытова». Уж кто так знает море, как Степан Дмитриевич, но и для него много новостей открылось. Раньше делали «станции» через каждые тридцать миль, а теперь — через каждые десять. Труднее, конечно. Особенно зимой. Ветер, снежные «заряды», никак трос в блок-счетчик не вставишь — руки, как ледышки. Побежишь, у сухопарника посидишь немного, оттаешь — и опять на палубу... Раз треснула рама от малевького трала. Не заказывать же в Мурманске. Сами в море отковали новую, всей командой воздух качали. Сломается батометр — ребята что-нибудь придумают, исправят. Как, Кира Александровна, обижаем мы науку?

Седых сидит рядом с матросами. Невысокая полная женщина средних лет. За стеклами очков мягко улыбаются добрые голубые глаза. Я знаю, что она ленинградка, добровольно вызвалась после окончания института работать на Крайнем Севере, коммунистка.

— Вот буду жаловаться на вас,— шутливо грозится она.— Выходят на «станцию» в одних ватниках, горе с вами... В общем, не обижаемся, но...

Нет, не за командой остановка. А вот в руководстве — в министерстве, в главке — еще мало придают значения научной разведке морских пространств.

Это иллюзия, будто мы уже знаем море, как свою квартиру. Еще не проведены батометрические съемки многих районов. Промысловые карты, планшеты, лоции частично устарели, требуют проверки. А оборудование корабля недостаточно. Нужны новейшая электронавигационная аппаратура, приборы. Для гидрологов — специальные электролебедки. И локаторы и подводные телевизоры — вся современная техника. Необходимо на научную базу поставить весь поиск. Разве не к этому призывает партия сейчас, в преддверии шестой пятилетки? А ведь рыбная промышленность все еще серьезно отстает.

— Соберемся у Степана Дмитриевича и все выложим,— говорит Поваренкин.— После каждого рейса беседуем... Болеет старик за корабль.

Мы сошли на причал.

На борту «СРТ-440» колыхались светлые струйки — игра отраженной воды. Скоро маленький корабль-разведчик снова должен был выйти навстречу необъятным просторам океана.

Диего де Ривера выступает в Центральном доме работников искусств. Фото Г. Замора.

Художник МЕКСИКИ

Среди путевых очерков, написанных В. В. Маяковским, есть один, который назван «Мое открытие Америки». В нем можно прочесть следующие строки, описывающие прибытие автора в столицу Мексики:

«Диего де Ривера встретил меня на вокзале... Я раньше только слышал, будто Диего — один из основателей компартии Мексики, что Диего величайший мексиканский художник, что Диего из кольта попадает в монету на лету...

Диего оказался огромным... широколицым, всегда улыбающимся человеком».

Эти строки вспомнились, когда в номере одной из московских гостиниц поднялся нам навстречу Диего де Ривера. Внешность его вполне соответствовала тому, что сказал о нем великий поэт тридцать лет назад.

Большая комната загромождена книгами и альбомами, огромными рулонами фотографий. Художник разворачивает один такой рулон, и перед нами возникает удивительно знакомая картина. Да это из мексиканского фильма «Рио Эскондидо»! Это фрески, украшающие стены президентского дворца, где мы видели героиню фильма — молодую учительницу.

— Да, именно эти фрески,— говорит Диего,— вы видели в фильме «Рио Эскондидо». Много лет создавал я эту настенную живопись, в которой стремился отразить историю своего народа, его древние обычаи и праздники, его труд, страдания, тяжелую, кровопролитную борьбу с угнетателями.

Во дворце президента — «Паласио насиональ» — теперь можно увидеть тринадцать таких фресок. Они посвящены наиболее знаменательным эпизодам из истории мексиканского народа. По моему замыслу, всего должна быть двадцать одна фреска. Восемь еще я должен написать.

— Что вы считаете самым значительным из сделанного вами за прошедшие тридцать лет?

— Самое значительное — это то, чего я еще не сделал. Но и тем, что я создал за свою жизнь, я обязан моему народу. Сила, которую я приобрел в живописи, дана мне народом. Древнее искусство, которое служит мне источником творчества, также принадлежит народу. За мной большой долг, и я должен вернуть его моей стране.

Идеи мира завладели миллионами людей обоих полушарий. Под влиянием этих идей я написал картину «Сбор подписей за прочный мир, против атомной войны». Это большое полотно (его размер — 11 на 4 метра) экспонировалось на выставках в Париже и Стокгольме, его распространяли в репродукциях во многих странах. Теперь картину приобрело правительство Китайской Народной Республики. Сюжет другой моей картины — «Славная победа» — связан с борьбой народов Южной Америки против империализма. Сейчас в экспозиции передвижной выставки эта картина демонстрируется в странах народной демократии.

Художник взволнованно и страстно рассказывает о своих московских впечатлениях:

— Я побывал на выставках, посетил мастерские некоторых московских живописцев. Третьяковскую галерею я осматривал четыре дня и все же не могу сказать, что узнал ее хорошо. Разве можно так сразу рассказать о полотнах Александра Иванова, Сурикова, Репина? С какой нечеловеческой силой писали русские мастера! А ваш великий Андрей Рублев, а современный Палех?!

К великому сожалению,— продолжал Диего де Ривера,— во многих странах мало еще знают о том, что делается в Советском Союзе, мало знают о жизни Москвы. Теперь, как никогда, всем народам мира надо знать правду о вашей стране. В столице Мексики создан специальный Мексикано-русский институт культурных связей. Его задача — помогать мексиканцам всесторонне знакомиться с советской культурой. У этого института есть свой журнал, библиотека, имеются филиалы во многих городах страны. Многие мои соотечественники изучают русский язык, читают произведения русских классиков и советских писателей, посещают выставки, конференции, лекции, концерты, которые устраиваются институтом.

Мне хочется сказать несколько слов о той большой работе, которая ведется у нас по изучению древнего мексиканского искусства. Мы стремимся спасти и сохранить памятники материальной культуры Мексики, созданные народом задолго до завоевания страны испанцами. Эти бесценные сокровища выражают подлинное творчество моего народа, его большую и самобытную культуру. Я лично посвятил много времени и сил изучению народного творчества и собрал около десяти тысяч различных предметов, характеризующих культуру и искусство Мексики.

Диего де Ривера на собственные средства создает музей, для которого по своему проекту строит здание. В нем будут размещены огромные коллекции художника, составляющие значительный вклад в развитие культуры.

И. АДОВ

На сахарной плантации испанские завоеватели ввели рабские условия труда. Из истории Мексики XVI века. Фрагмент фрески.

В раздумье. Масло.

Мирный труд народа охраняет ныне сам народ. Фреска.

МОГУЧИЕ ЛУЧИ

Самое вкусное печенье берлинцы получают из очень странной пекарни. Она не нуждается ни в угле, ни в дровах, ни в каком-либо другом привозном топливе. У этой пекарни есть свой научный консультант — доктор технических наук.

Сама пекария по размерам невелика, а некоторые ее комнаты напоминают скорее физические лаборатории. Однако она выпускает очень много печенья, и при этом только первосортное, хрустящее на зубах и тающее на языке. Так же вкусны и пряники, сухари и всякого рода крендели для маленьких лакомок. Грузовики с ящиками то и дело отъезжают от дверей пекарни в разные концы города.

О замечательных вкусовых качествах нового печенья, экспортируемого большими партиями за границу, приходят отзывы от голландцев и датчан. В Берлин поступают заказы на новое печенье из Швейцарии, Чехословакии и даже из стран Ближнего Востока.

В этой пекарне установлены новые печи с мощными излучателями инфракрасных лучей. Теперь печенье и различные кондитерские изделия изготовляются в значительно более гигиенических условиях. Нет ни дыма, ни копоти. В обычных же жаровых печах тесто поглощает несгоревшие газы от топлива, которые, конечно, ухудшают вкус кондитерских изделий. Тесто теперь пропекается равномерно на всю глубину изнутри.

Берлинская фабрика «Гном» имеет сейчас единственную в Германии инфракрасную кондитерскую установку. Каждые 4 минуты она выпускает готовую партию печенья и крендедей. Ни одна печь не обладает такой высокой производительностью и такими большими удобствами. За всем процессом можно свободно следить в окно, температура не колеблется ни на один градус.

Немецкие ученые и практики провели серию многообещающих опытов по облучению и других пищевых продуктов инфракрасными лучами. Сушка овощей и фруктов этими лучами удлиняет срок их хранения и не изменяет качества. Зерна кофе, поджаренные в инфракрасной печке мощными излучателями, не утрачивают ценных ароматических веществ, которые раньше улетучивались при поджарке на огне. Черный кофе, этот приятный напиток, стал еще более вкусным.

Что же представляет собой инфракрасный излучатель? Он напоминает большие лампы накаливания, к которым мы все уже привыкли в быту. Но эта лампа имеет на внутренних стенках у самого цоколя блестящий слой металлической фольги, служащей рефлектором. Это значительно повышает ее коэффициент полезного действия.

Излучатель в принципе тоже является лампой накаливания. Его спираль вместе с определенной долей видимого света испускает большое количество невидимых инфракрасных лучей — до 67 процентов от потребляемой электрической энергии. Эти лучи пронизывают воздух, не согревая его, затем проникают вглубь облучаемого твердого предмета и там превращаются в тепловую энергию. Поэтому облученные предметы очень быстро и сильно нагреваются.

Инфракрасная лампа-излучатель служит 5—6 тысяч часов, в пять раз дольше обыкновенной лампы накаливания.

Первые опыты с излучателями были поставлены еще перед войной, но массовое производство инфраламп было затруднено. В Европе не могли найти специального сырья для нитей накаливания. И только в 1950 году группа немецких инженеров и физиков — Р. Борхерт и В. Гейер, Э. Грунау и В. Юбиц — открыла неограниченные возможности для изготовления излучателей из отечественного сырья. Завод «Берлинер Глюлампенверк» начал серийное производство — 32 тысячи в месяц — промышленных инфраизлучателей.

Инфраустановки получили большое распространение в машиностроении. На многих предприятиях уже навсегда отказались от сушки металлических поверхностей теплым воздухом, паром и газом. В первую очередь это коснулось автомобильной промышленности. На автозаводе, который выпускает лимузины и кабриолеты «Ифа-9», установка с большим количеством инфракрасных излучателей позволяет ныне сушить блестящий бакелитовый лак на кузове машины за несколько минут. Это в десятки раз быстрее и дешевле, чем сушка теплым воздухом. Кроме того, достигается высокое качество сушки. При обработке подогретым воздухом слой лака начинает сохнуть с поверхности. Сверху образуется пленка, которая препятствует равномерному испарению растворителя. Лаковый слой часто получается неровным.

Теперь же машины выходят из установок с абсолютно гладкой поверхностью. Процесс сушки инфракрасными лучами протекает изнутри. Обогревается сначала поверхность кузова, а затем уже слой лака до его наружной поверхности. Благодаря этому достигается высококачественная лакировка, без каких-либо пузырьков. Лак как бы вжигается в металл.

Излучатели позволяют получать температуры до нескольких сот градусов. Теперь стало возможным применять специальные лаки, в особенности бакелитовые, температура вжигания которых составляет 200 градусов и более. Эти лаки, как известно, устойчивы против царапин и коррозии. Немецкие химики уже создали специально для инфраустановок новые лаки, превосходящие своим качеством все известные по прочности прилипания и механической стойкости.

Хорошие отзывы о машинах «Ифа» приходят теперь и из холодной Норвегии и из жаркого Египта.

Красивые корпуса пишущих машинок приобретают свой матовый или блестящий вид также в печах с инфралампами. В их металлические корпуса вжигаются не только лаки, но и различные виды новых пластмасс, которые придают им особо приятный внешний вид. При этом поверхность получается и красивой и прочной. Подобным образом покрываются корпуса многих современных станков, а также холодильников, приборов и медицинских аппаратов, части мотоциклов и велосипедов.

Самая крупная установка с инфракрасными излучателями построена для вжигания в стальные листы лакового покрытия, нанесенного с двух сторон. В установке смонтирована тысяча излучателей. Производительность ее достигает весьма солидной величины — 76 километров стальной ленты в день. Установка имеет контрольно-измерительные приборы, автоматически регулирующие степень облучения.

Цеховые инфраустановки можно включить в систему потока. Перед ними располагаются краскораспылительные кабины, а за установками — охладительные камеры. В самой печи предметы движутся по металлическому непрерывному лотку. Подобным образом сушатся обмазка электродов, нитролаки, нанесенные на дерево, резиновый клей при производстве автопокрышек, модели из гипса, а также спекаются магнитовый порошок и порошки различных искусственных веществ. Существуют печи для подогрева зимой нефти и бензина в больших цистернах.

Инфралучи стали хорошими помощниками и текстильщиков. С их помощью успешно сушатся ткани. При этом не портится волокно и не растягивается поверхность материала. Кроме того, в лаборатории доктора технических наук В. Юбица — большого энтузиаста нового метода — было установлено, что при облучении и прогреве потоком инфракрасных лучей искусственного шелка и искусственной шерсти нити получают значительно большую механическую прочность. Ученым уже сконструирована заводская установка для облучения мотков искусственного шелка.

Инфракрасные лучи обладают еще одним свойством: их можно направлять концентрированно, пучком. Это очень важно, например, в обувном производстве, где сушатся отдельные части ботинок и туфель. Кроме того, облучение может осуществляться различными типами излучателей, и притом на неравном расстоянии и с разной длительностью. Все это позволило применить инфралучи почти в ста важных промышленных процессах: от борьбы с вредителями зерна до плавки искусственного каучука и пластмасс.

Инфракрасные излучатели начинают использоваться не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве ГДР. В оранжереях и теплицах с их помощью выращивают различные растения, в том числе южные цветы. Ведутся успешные работы по оснащению инфраобогревателями свинарников. Тепло облучения чрезвычайно благоприятно сказывается на развитии животных в зимнее время. Установки не только облучают животных, но одновременно сушат помещение.

В последнее время начинают применять экономичные инфракрасные излучатели и немецкие строители. Они, например, сушат свежую штукатурку в квартирах новых домов, подогревают смерзшийся песок на строительных площадках, прогревают землю при рытье канав и ям.

Преимущества инфралучей очевидны, и можно с уверенностью сказать, что области их применения будут расширены еще больше.

Г. МАЛИНИЧЕВ

Доктор технических наук В. Юбиц в своей лаборатории.

На берлинской фабрике «Гном».

На строительстве нефтеперегонного завода в Албании.

День освобождения Албании

29 ноября 1955 года исполняется 11 лет с тех пор, как фашистские оккупанты были полностью изгнаны из пределов Албании. Недавно делегация деятелей советской культуры, членом которой я был, посетила Народную Республику Албанию и приняла участие в традиционном месячнике албано-советской дружбы.

Глубокое и сильное впечатление оставила у нас поездка.

За одиннадцать лет неузнаваемо изменилась жизнь в Албании. Правда, республика испытывает еще немало трудностей. Но сделано уже много.

В фильме «Албания» показано строительство горной дороги, ведущей к стройке электростанции имени Энвера Ходжа. Строителей дороги народ по праву называет «горными орлами». Мы ехали по этой дороге, проложенной кое-где по отвесным скалам, и восхищались неутомимым упорством «горных орлов» и их неукротимой волей к победе.

Страна живет кипучей жизнью. Мы видели замечательный текстильный комбинат имени Сталина с годовой производственной мощностью в 20 миллионов метров ткани, сахарный комбинат с годовой производственной мощностью в 100 тысяч центнеров сахара, цементный завод и, наконец, деревообрабатывающий комбинат в Эльбасане.

Во время нашего пребывания в Албании крестьяне убирали хороший урожай хлопка. Страна богата оливами, виноградом, грушами. На сельскохозяйственной выставке мы видели новые породы лошадей, крупного рогатого скота, овец, свиней.

Больших успехов в Албании достигло народное просвещение. В старой Албании сеть начальных школ была очень незначительна. Теперь в стране учатся все. Где бы мы ни были, мы ощущали большую тягу к советской культуре, к русскому языку. Повсюду создаются курсы, школы русского языка для взрослых. Борьбу за новую жизнь вдохновляют и возглавляют Трудовая партия и албанское народное правительство.

Мы вернулись домой с еще более окрепшей верой в то, что дружба албанского и советского народов будет поистине вечной и нерушимой.

С. РУНОВСКИЙ,
кандидат педагогических наук.

Народная Республика Албания.
Крестьянская девушка.
Фото И Тункеля.

Дорога на Эльбасан.
Фото И. Тункеля.

СЛОВО К МОЛОДЫМ

В. РЫЖОВА,
народная артистка СССР

Когда актер прожил в театре долгую жизнь, он для него становится родным, отчим домом, где все дорого: бесконечно любимое искусство, друзья, милые воспоминания. И понятно, что воспитание молодых исполнителей не может не заботить нас, стариков.

Отрадно видеть, как год от года все более разрастается вокруг младая поросль сценических дарований, надежда и будущность каждого театра. Примечательно, что как и встарь, так и сейчас актерский состав Малого театра пополняется преимущественно выпускниками театрального училища имени Щепкина, возглавляемого ведущими мастерами Малого театра. Наши великие учителя М. С. Щепкин, А. Н. Островский, А. П. Ленский, энтузиасты сценического образования в России, всегда рассматривали школу Малого театра как опору, как основную и неотъемлемую часть его деятельности. «...Без школы нет артистов, а без артистов нет и театра», — утверждал А. Н. Островский, самоотверженно боровшийся с реакционной верхушкой Малого театра за серьезную подготовку актеров.

Именно с тех времен и повелось, что в воспитании смены у нас на первом месте требования — развивать у молодежи трудолюбие, стремление к самостоятельности, настойчивость в творческих исканиях; растить не только зрелого художника, но и гражданина, который сознавал бы свой долг — служить народу искусством.

Советская театральная молодежь не боится трудностей в работе. Поэтому так быстро мужают и зреют новые творческие силы нашего театра. Характерные для советских актеров творческие особенности — углубленное постижение внутренней сущности сценического героя, художественная цельность создаваемого образа — все это присуще и искусству молодых. Приятно отметить, что молодые актеры Малого театра выступают в большом и разнообразном репертуаре, классическом и советском, русском и переводном. Иные из них играют и центральные роли, еще недавно исполнявшиеся видными старшими товарищами. Особенно увлекательна и ответственна для молодого актера его работа в советских пьесах, когда исполнителю так нужны непосредственные жизненные наблюдения, близкое знание нашей кипучей действительности.

Многие молодые актеры Малого театра по заслугам завоевали популярность у зрителей и сейчас уже принадлежат к разряду ведущих. Кто не знает обаятельную Ольгу Хорькову и ее сценические образы? Вспомним хотя бы девочку Аниску в «Нашествии» (в этом спектакле и мне довелось сыграть одну из любимых моих ролей — анискиной бабки Демидьевны, женщины с большим и горячим сердцем). А ее Полина в «Доходном месте», Марья Антоновна в «Ревизоре», а сыгранные Хорьковой роли в спектаклях «Северные зори», «Дорога свободы», «Проданная колыбельная»?!

Своеобразной актрисой зарекомендовала себя И. Ликсо — великолепная Софья в «Горе от ума», исполнительница ведущих ролей во многих советских пьесах. Богатые сценические данные у К. Роек, хорошо игравшей Ларису в «Бесприданнице» и неизменно трогающей сердце зрителя в роли цыганки Маши в «Живом трупе». Многогранно творчество актрисы Т. Еремеевой, всегда естественной и правдивой в самых разнопланных ролях. В пьесах Островского выделяется Е. Рогожина. Интересны образы, созданные Е. Солодовой. Не раз восхищалась я Т. Панковой в ролях пожилых женщин; такого рода перевоплощение — труднейшая задача для молодой актрисы.

С несомненным успехом идут от роли к роли Д. Павлов, Б. Телегин, Н. Афанасьев, Э. Сергеев. Отрадны достижения перешедших к нам из периферийных театров Ю. Аверина и Е. Матвеева. Многих и других талантливых, успешно начавших сценический путь, я могла бы назвать здесь с полной убежденностью.

В прошлом сезоне в роли Рыбакова-сына в пьесе В. Гусева блеснул В. Коршунов, создавший живой, ясный и привлекательный сценический характер. Эта удача молодого артиста — показатель того, насколько важны для исполнителя добротная пьеса, тонко разработанный образ. И мало того, что роль должна быть полноценна по содержанию,— нужно, чтобы она была выразительной и красочной по языку. В бесцветной пьесе со стертыми, заштампованными, скучными словами мало что может дать и опытный, изобретательный мастер. Оттого-то легко и любо играть в пьесах Островского, у которого каждое слово обдумано, точно и веско, пластично и сочно. Известно, что свои пьесы, прежде чем давать им сценическую жизнь, великий драматург проверял на слух, — отсюда и необыкновенная музыкальность речи его персонажей.

Заботливо оберегая самобытность и чистоту родного языка, Островский завещал эту любовь к русской речи сценическим истолкователям его драматургии в Малом театре. И мы горды этим завещанием, бережно хранимым. Подлинными чародеями русского сценического слова в Доме Щепкина и Островского (так по праву издавна называют Малый театр) были его корифеи — М. Н. Ермолова, Н. М. Медведева, Г. Н. Федотова, Садовские, А. П. Ленский и многие другие первоклассные актеры. Но, увы, теперь в Малом театре в спектаклях русской классики и особенно Островского иной раз и не услышишь дивной музыки русского языка: речь молодых исполнителей подчас режет ухо, звучит вразнобой. Небрежность и пестрота в сценической речи молодежи — явление весьма неприятное. Безупречность сценического языка в Малом театре всегда составляла главнейшую особенность его художественного стиля,— как же мы можем поступаться этим дорогим для нас делом? И как проходят мимо этого преподаватели театральных школ?! Нельзя забывать, что для актера ключом к правильной речевой тональности образа служит прежде всего глубокий психологический анализ роли, мотивов, которыми объясняются поступки героя. Обычно хорошие результаты дает и развиваемая опытом наблюдательность. Именно она помогает создать правдивый внешний облик персонажа, пользуясь подмеченным в жизни. Правда, дело это сложное, хлопотливое. По себе сужу: иной раз ни в уличной толпе, ни среди окружающих нигде не встречаешь что-либо общее с тем героем, которым ты, актриса, болеешь, кого должна играть. Измучившись тщетными поисками, обращаешься даже к портретной живописи, и бывает так, что в одном из заповедных уголков Третьяковской галереи или на художественной выставке вдруг улавливаешь то, что ищешь. А когда основное найдено, то уже легко рождаются и ложатся на место правдивые краски образа.

Нашей даровитой молодежи, которую я, пользуясь случаем, благодарю за многие светлые минуты, проведенные в совместной работе, хочется пожелать больше самостоятельности, смелости и огня в творческих дерзаниях. Напомню здесь бытующее в нашей театральной среде выражение: лучше пить хотя бы из самого маленького, но непременно из своего стакана.

Главное же, без чего немыслима плодотворная работа в искусстве,— это постоянный, кропотливый, напряженный труд, который был уделом даже гениальнейших актеров. Можно бы рассказать немало любопытного и поучительного о том, как упорно в молодости работали актеры моего поколения, как мы буквально пробивались к ролям, к признанию, отстаивая творческую независимость, иной раз и безрезультат-

Группа молодых артистов Малого театра за читкой пьесы.
Фото О. Кнорринга.

но. С юности я страстно мечтала о роли Лизы («Горе от ума»), которая мне представлялась не традиционной водевильной служанкой, но смышленой русской девушкой из народа. А получила я эту роль лишь на тридцатом году своей жизни.

Поистине героически с юных лет трудилась народная артистка СССР А. А. Яблочкина. Для того, чтобы предстать во всеоружии при распределении ролей, Александра Александровна вынуждена была «готовить впрок» десятки различных ролей, из которых большая часть ей никогда и не доставалась. Острословы говаривали, что Яблочкина знает назубок все репертуарные роли, даже мужские. Вот как приходилось нам трудно!

Не раз повторяли мы тогда слова великого Щепкина, которые надо крепко запомнить и молодым: «Одно, что принадлежит собственно мне,— это добросовестное занятие, труд, на какой только способен человек, посвятивший всю жизнь свою драматическому искусству, и да послужит это примером молодым моим товарищам, которым дорога к искусству гораздо более очищена...»

Необозримы возможности для творчества молодого советского актера. Но кому многое дано, с того многое и спросится! Жизнь в искусстве — это благородный и радостный, но и нелегкий труд, требующий всего человека, целиком. Пусть об этом помнит каждый, вступивший на театральные подмостки. Пуще огня надо бояться самоуспокоенности и зазнайства. Скромность — качество, украшавшее самых прославленных художников русской сцены. И как горько иной раз наблюдать в среде молодых артистов — пусть даже и в зародыше — мелкое себялюбие, недисциплинированность, всякие неблаговидные поступки,— словом, все то отрицательное, что даже и мыслиться не должно бы в дружной семье советских актеров.

Молодыми актерами должны всегда руководить старшие товарищи — это наш прямой долг, и мы выполняем его по мере своих сил. Но, к сожалению, эта превосходная традиция, освященная дорогими именами зачинателей Малого театра, иногда и забывается. Что греха таить — случается и так, что отлично подготовленный выпускник театральной школы, принятый в труппу театра, неплохо поиграет роль — другую, а затем, лишенный внимания и поддержки, попадает в полосу длительного забвения.

Для выдвижения нашей молодежи большое значение имеют творческие смотры ее сил в театрах. К этому теперь у нас добавлены дебютные выступления начинающего. Необходим и выпуск специальных спектаклей силами молодых. Такая проба мастерства молодежи с успехом практиковалась в Малом театре еще при А. П. Ленском.

Немало сделано младшим творческим поколением советского театра, но еще больше дел ему предстоит. Хочется думать, что наша смена оправдает возлагаемые на нее надежды, чтобы в содружестве со старшими товарищами способствовать дальнейшему процветанию дорогого всем нам советского сценического искусства.

Встреча с Александром Блоком

К семидесятипятилетию со дня рождения

7 апреля 1920 года мы получили от Блока письмо, в котором он писал: «Когда поправлюсь, думаю съездить в Москву». Нам было известно, что в Петрограде Блоку живется трудно в бытовом отношении,— значит, следовало отвести от него все житейское, бытовое, надо было, чтобы он чувствовал себя уютно, просто, легко, чтобы питался не только сытно, но и вкусно. Решили, что кабинет, как самую удобную комнату, надо предоставить Блоку.

Через месяц в теплое майское утро я поехала на вокзал встречать поэта.

Подошел поезд. Встретила Блока на перроне. Он был молчалив и задумчив. Я нашла, что он очень похудел, осунулся и побледнел. «Я вас очень стесню?» — спросил он. «Не будем говорить об этом сейчас, а дня через три я спрошу, есть ли у вас ощущение того, что вы нам в тягость», — ответила я. Блок улыбнулся.

Мне невозможно представить себе поэта и обрисовать его облик, не связывая образа Александра Александровича с определенной атмосферой, местом, природой, освещением, переживанием.

Когда Блок бывал весел, спокоен, здоров, то кожа лица, даже зимой, отливала золотисто-красноватым загаром, мерцали голубовато-серые глаза, волосы, орехового оттенка (иного определения не подберу), легкие и пушистые, венчали высокий лоб. Походка упругая, легкая, фигура статная, ладная. В дни душевного смятения или физического недомогания лицо поэта серело, тускнели глаза, он весь словно сникал, даже поступь тяжелела.

Как только в Москве узнали, что приехал Александр Блок, стали звонить по телефону, но он подходил к аппарату очень редко. Началось паломничество молодежи, особенно после его первого выступления в Политехническом музее. Приезд Блока был радостным событием для всей литературной Москвы. Поэт чувствовал атмосферу восхищения: цветы, письма, подарки несказанно радовали его, а мы все радовались вместе с ним. Блок повеселел, помолодел, шутил, рисовал карикатуры.

В этот свой приезд в Москву Блок вел переговоры с Художественным театром.

Очень долго и часто Блок беседовал по телефону со Станиславским. Обычно Константин Сергеевич звонил поздно ночью. Блок садился возле телефона, я ставила на столик рядом крепкий горячий чай, пепельницу, клала папиросы и уходила к себе в комнату, и долго еще доносился до меня приглушенный звук его голоса.

Вечерами, когда жара спадала, отправлялись бродить. Медленно шли вдоль затихших вечерних улиц, бульваров, мостов. Блок подмечал то, мимо чего «не поэт» пройдет равнодушно. Как в сказке, мир вещей, к которому он прикасался, волшебно преображался и оживал. Поэт в этом мире красок, света, звуков улавливал то, что скрыто от нас. Но был он волшебником щедрым, и тайну, которой владел, не хранил про себя.

И, онемев от удивленья,
Ты узришь новые миры —
Невероятные виденья,
Создания моей игры...

На память об одной из таких прогулок, он подарил мне два тома Лермонтова со следующей надписью:

Есть слова — объяснить
не могу я
Отчего у них власть
надо мной,
Их услышав, опять
оживу я,
Но от них не воскреснет
другой.

И оттиск поэмы «Возмездие» с надписью:

«...еще одна вещь, из которой должно было выйти много, а вышло так мало.

Май 1920 г. Москва».

В день своего первого выступления Блок сильно волновался, но то было волнение творческое, благотворное.

Когда мы подошли к Политехническому музею, то с трудом пробились к входу сквозь густую толпу. Билеты были все давно распроданы, а желающих попасть на вечер — неисчислимое количество. В лекторской я подошла к нему, и он сказал: «Садитесь на эстраде поближе ко мне, боюсь забыть что-нибудь, тогда подскажите».

После вступительного слова стихи Блока читали артисты Художественного театра Ершов, Жданова и другие.

Но вот на эстраду вышел Александр Блок. Буря рукоплесканий, все встали. Я ожидала оваций, но такого стихийного, восторженного проявления любви к поэту никогда не видела. Все взоры устремлены на Блока, а он стоит, чуть побледнев, сдержанный. Я вижу, как от волнения слегка дрожит его рука.

Как Блок читал? Трудно передать своеобразную манеру его чтения, тембр голоса, жесты. Первое, слуховое, так сказать, ощущение — монотонность, но монотонность до предела музыкальная, выразительная, насыщенная темпераментом. Читая свои стихи, Блок умел передать слушателю и мысль стиха, и ритм, и «тайный жар», но доносил это до вас просто, благородно, сдержанно, ничего не навязывая.

По окончании вечера огромная толпа провожала поэта вплоть до Ильинских ворот. Ему поднесли много цветов.

Прожив у нас до 18 мая, Блок уехал в Петроград.

Н. А. Коган

А. Блок и С. Есенин

До сих пор сравнительно мало было известно о первой встрече Сергея Есенина с Александром Блоком. Скупо описывает этот факт Есенин в автобиографии: «19-ти лет попал в Петербург проездом в Ревель. Зашел к Блоку. Блок свел с Городецким, а Городецкий с Клюевым. Стихи мои произвели большое впечатление». Впоследствии Есенин, рассказывая И. Розанову об этой встрече, говорил, что он очень полюбил Блока. «Попав в Петербург,— говорил Есенин,— я прежде всего постарался его разыскать. Мне хотелось слышать его мнение о моих стихах».

Публикуемые письма раскрывают нам историю первой встречи двух поэтов, историю их взаимоотношений:

«Александр Александрович!

Я хотел бы поговорить с Вами. Дело для меня очень важное.

Вы меня не знаете, а может быть, где и встречали по журналам мою фамилию. Хотел бы зайти часа в 4.

С почтением

С. Есенин».

Внизу этой коротенькой записки четким почерком Блока написано: «Крестьянин Рязанской губ(ернии), 19 лет. Стихи свежие, чистые, голосистые, многословный язык. Приходил ко мне 9 марта 1915».

Сохранился лист из книги А. Блока с дарственной надписью: «Сергею Александровичу Есенину на добрую память. Александр Блок. 9 марта 1915. Петроград».

Вероятно, С. Есенин спустя некоторое время вновь писал Блоку, так как публикуемое ниже письмо Блока является ответом Есенину:

«22 апреля 1915.

Дорогой Сергей Александрович.

Сейчас очень большая во мне усталость, и дела много. Потому думаю, что пока не стоит нам с Вами видеться, ничего существенно — нового друг другу не скажем.

Вам желаю от души остаться живым и здоровым.

Трудно загадывать вперед, и мне даже думать о Вашем трудно, такие мы с Вами разные; только все-таки я думаю, что путь Вам, может быть, предстоит некороткий, и, чтобы с него не сбиться, надо не торопиться, не нервничать. За каждый шаг свой рано или поздно придется дать ответ, а шагать теперь трудно, в литературе, пожалуй, всего труднее.

Я все это не для прописи Вам хочу сказать, а от души; сам знаю, как трудно ходить, чтобы ветер не унес и чтобы болото не затянуло.

Будьте здоровы, жму руку.

Александр Блок».

По воспоминаниям современника А. Блок в эти годы говорил одному из своих знакомых: «Если хотите увидать подлинного поэта, заходите завтра вечером ко мне. У меня будет читать стихи Сергей Есенин».

Автографы публикуемых писем хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР.

Вл. ЗЕМСКОВ

ЗНАКОМЫЕ И ДРУЗЬЯ

В судьбе Артура Айдиняна, когда он вместе с другими армянами из-за рубежа приехал на Родину, принимало участие много людей. Одни его устраивали жить на новом месте, другие ему, больному и нетрудоспособному, вернули здоровье, третьи помогли сделать профессией певца то, что было раньше любительством. Кто обучил русскому языку, кто просто стал добрым знакомым. Всех их Артур Айдинян, теперь уже известный в стране певец, может назвать друзьями.

Назвать так может он и того капитана, который после одного из концертов зашел к нему в гостиницу и сердито спросил, почему Артур поет арию Каварадосси «со слезой»: «Надо петь героя!» Мимолетным было знакомство, но у Артура осталось ощущение чего-то важного и необходимого: вот пришел «чужой» человек, вмешался в «чужое» для него дело. Да чужой ли он? И чужая ли та женщина из Ялты — ее он и в лицо не видел,— рассказавшая в маленькой газетной заметке о том, почему Айдиняну не удался русский романс «Скажи, зачем...». Он и сам чувствовал, что не совсем удался, и теперь понял, почему. И опять, как тогда с капитаном, это обрадовало и взволновало его.

В конце концов могло ведь произойти даже в стране, где он родился, такое счастливое стечение обстоятельств, при котором сын рабочего стал бы певцом. И там, может быть, нашлись бы люди, которые приняли бы участие в его судьбе, корысти ли ради или бескорыстно. Было время, когда Артур об этом мечтал, пока на частные уроки пения уходили последние копейки, заработанные плотником-отцом. Тогда Артур жил в портовом городе Салониках, на берегу Эгейского моря, и весь «Новый Неаполь» — самый большой рабочий район в Салониках — знал его песни.

Когда в город вошли фашистские банды и в рабочих предместьях Салоник запахло порохом и кровью, с учением пришлось покончить и стать плотником.

В зиму 1942 года в подпольной организации молодежи Айдинян выполнял самые различные поручения: связывался с партизанами, распространял листовки. Артур попал в фашистский застенок. Его пытали. Ударом дубинки по голове вызвали травматическую катаракту. Из застенка юношу выбросили слепым.

После долгих, мучительных раздумий и бесплодных попыток излечить недуг Артур пришел к своим и сказал: надо научить молодежь песням борьбы. Теперь он своей песней не только доставлял радость: песня стала оружием. За ней приходили к Артуру товарищи по борьбе — жители «Красного Неаполя», как называли в ту пору этот боевой в Салониках район.

Артур Айдинян на эстраде. Фото Е. Явно.

И сегодня, произнося с благодарностью имена ереванского профессора Б. Н. Мелик-Мусяна и академика В. П. Филатова, вернувших ему зрение, тепло отзываясь о преподавателях музыкального училища, которые вручили ему диплом певца, и о многих других, принимавших участие в его судьбе, Айдинян думает и о тех, кто в рабочем районе греческого города сделал его человеком. Без них, греческих друзей, Артур не смог бы так скоро понять все, что сейчас происходило вокруг него, и занять здесь свое место.

...Вначале робко, потом все увереннее полились с эстрады в исполнении Артура Айдиняна чудесные мелодии русских романсов: «Средь шумного бала», «Я помню чудное мгновенье», «На заре ты ее не буди»...

В обширном репертуаре заслуженного артиста Армянской республики Артура Айдиняна представлены теперь и армянские народные песни, и русская и западная классика, и произведения советских композиторов, и неаполитанские песни. Все он исполняет легко, свободно, сильным молодым голосом чарующего тембра. И нам, советским зрителям, его новым знакомым, нравятся песни Айдиняна, как нравится все, что идет от большого дара — чувствовать жизнь.

И. МЕСХИ

Русские люди в Индии

Издавна русские люди проявляли живой, неугасающий интерес к Индии, к ее талантливому и трудолюбивому народу.

Еще в средние века на Руси была широко известна книга Косьмы Индикоплова об Индии. Византийский космограф Косьма Индикоплов, живший в VI веке, посетил во время одного из своих путешествий Индию и описал ее. Сочинение это (в русском переводе «Книга Козьмы нарицаемого Индикоплова») пользовалось в XV—XVII веках в Москве немалой известностью.

Однако интерес русских людей к Индии не мог удовлетвориться тем, что они узнавали из описаний столь древнего происхождения; в 1466 году отправляется в далекое путешествие тверской купец Афанасий Никитин. Множество замечательных сведений о культуре и быте индийских народов поведал русскому читателю Афанасий Никитин в своих записках.

Среди различных книг об Индии обращают на себя внимание записки Филиппа Ефремова, опубликованные в 1786 году.

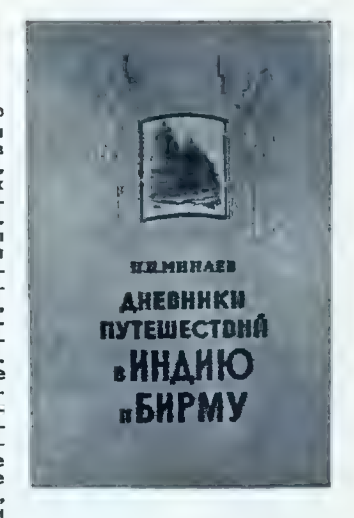
Судьба этого человека полна злоключений и похождений. Филипп Сергеевич Ефремов, русский путешественник, был в 1774 году под Оренбургом захвачен кочевниками и продан в рабство в Бухару. Однако предприимчивый и мужественный человек совершил побег и освободился от неволи. Под видом купца Ефремов проехал Кашгарию, Западный Тибет и Индию и достиг Калькутты. В 1782 году он возвратился в Россию и в 1786 году издал описание своих странствий. Так же, как и Афанасий Никитин, Ефремов с теплым чувством отзывается о народностях Индии, живо передает свои наблюдения.

В нынешнем году исполнилось 150 лет со дня выхода в России исключительно интересной книги «Беспристрастное созерцание систем восточной Индии брамгенов, обрядов их и народных обычаев». Значительна культурная деятельность автора этой книги, талантливого самородка Герасима Степановича Лебедева, немало сделавшего для сближения русского и индийского народов. Лебедев с 1781 года жил в Индии, изучил несколько местных наречий, основал в Калькутте театр европейского типа. В этом театре Лебедев был не только переводчиком пьес, но и директором, режиссером, актером, художником. Вернувшись в Россию, он основал в Петербурге типографию, которая располагала бенгальским шрифтом.

В книге «Безпристрастное созерцание...» особенно отмечается значение политических и экономических связей России с Индией. Подробно описывая природные богатства Индии, автор не проходит мимо того факта, что ими пользуются не сами индийцы, а их поработители. Показывая самые различные стороны жизни Индии, Лебедев подчеркивает положительные стороны национального характера индийцев: «Чужова похищать они не расположены и завидовать никакой нации не имеют нужды».

Всего лишь через десятилетие после выхода книги Лебедева в Москве был издан перевод с грузинского на русский книги путешественника конца XVIII века Рафаила Данибегова. Он побывал в Индии и описал свои странствия в интересных записках «Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова».

Выдающихся результатов в изучении Индии, в развитии русского индоведения добился ученый И. П. Минаев. Профессор И. П. Минаев (1840—1890) совершил поездку в Индию, изучал индийскую религию, быт, общественные отношения, положил начало изучению в России буддизма, опубликовал ряд древнеиндийских текстов. Он написал «Очерки Цейлона и Индии» и другие работы. Недавно вышли из печати в издательстве Академии наук СССР «Дневники путешествий в Индию и Бирму» И. П. Минаева.



Большие заслуги в области развития советского индоведения имеет академик востоковед С. Ф. Ольденбург (1863—1934). Он занимался исследованием фольклора, истории искусств и буддизма Индии, значительное внимание уделено им и социально-экономической истории Индии. Одной из серьезнейших заслуг С. Ф. Ольденбурга является удачная дешифровка древнеиндийских рукописей, найденных в Кашгарии.

Академик Ф. И. Щербатской — ученик Минаева — известен как крупнейший знаток Индии. В 1902 году им опубликованы «Теория поэзии в Индии» и «Логика в древней Индии». В следующем, 1903 году издана «Теория познания и логика по учению позднейших буддистов».

Премьер-министр Индии Джавахарлал Неру в своей книге «Открытие Индии», характеризуя большую грамматику санскритского языка, написанную древним ученым Индии Панини (VI или VII век до нашей эры), отмечает, что «советский ленинградский профессор Ф. Щербатской назвал ее «одним из величайших творений человеческого разума».

О новой Индии, освободившейся от гнета колонизаторов, также написано немало книг. Благодаря работам советских переводчиков нашему народу стали широко известны как древнейшие памятники индийской литературы, так и новейшие ее произведения.

Все это способствует укреплению дружбы великих народов.

З. ДИЧАРОВ

ПАМЯТИ А. Д. ОЧКИНА

Москвичам памятно имя выдающегося советского хирурга, общественного деятеля и педагога, профессора Алексея Дмитриевича Очкина, скончавшегося три года тому назад.

У входа в хирургическое отделение Боткинской больницы, где Алексей Дмитриевич плодотворно работал более сорока лет, сооружен бронзовый бюст, установленный на гранитном постаменте (скульптор — З. Азгур, архитектор — Я. Белопольский).

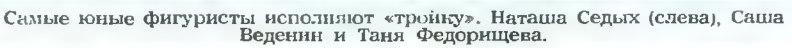
Фото Р. Лихач.

В Москве в залах Академии художеств СССР открылась ежегодная выставка работ художников Российской Федерации. Живописцы, скульпторы, графики, работающие в районных и областных центрах, в автономных республиках Федерации, показывают свои произведения, отмеченные плодотворными творческими поисками.

На снимке: в одном из залов выставки работ художников РСФСР.

Фото Е. Умнова.

Фото А. БОЧИНИНА.


Самые юные фигуристы исполняют «тройку». Наташа Седых (слева), Саша Веденин и Таня Федорищева.

В машинном отделении катка.

В последние годы наша молодежь увлекается фигурным катанием и танцами на льду. Это самый «юный» вид спорта. Им начинают заниматься с четырехлетнего возраста. Зимой не только на стадионах и в парках столицы, но и во многих дворах, на самодельных катках, можно увидеть узоры на льду — это следы фигур, «нарисованных» коньком.

В Москве теперь много кружков и школ фигурного катания, в которых занимаются тысячи детей, школьников, студентов. Но центром фигурного катания, несомненно, является стадион Юных пионеров.

На этом стадионе, которым много лет руководит Л. Д. Чупшева, выросли отличные фигуристы, ставшие чемпионами страны: Марина Гранаткина, Валя Авилова, Валентин Захаров, Олег Симантовский. И сейчас там готовится хорошая юная смена: Наташа Марьина, Нонна Порывалова, Светлана Коробова, Ира Баринова, Володя Володин, Геннадий Усов. Они выступают уверенно и исполняют самые сложные фигуры обязательной программы.

Фигурное катание требует систематических занятий. Однако до сих пор летом молодым спортсменам негде было тренироваться, если не считать крохотную площадку искусственного льда в Парке культуры имени Ф. Дзержинского. Но и зимой, в дни, когда термометр показывал 11° ниже нуля, занятия с детьми и даже старшими школьниками прекращались.

Теперь на стадионе Юных пионеров круглый год открыт каток искусственного льда. Ледяное поле его равно 600 квадратным метрам. Здесь всегда поддерживается ровная температура. На катке многолюдно с утра до позднего вечера. Катаются малыши, затем школьники, приходят сюда и мастера.

На катке молодые спортсмены не только учатся технике скольжения, но и приобретают чувство ритма и музыки.

Закрытый каток — хороший подарок юным фигуристам Москвы.

М. М.

Общий вид павильона искусственного ледяного катка стадиона Юных пионеров.

← Они идут на тренировку.

Питер Брук с утра направляется в МХАТ, где идут спектакли его труппы.

Фото Е. Тиханова.

Спектакли английского театра

В Москве начались гастроли английской драматической труппы под руководством Питера Брука. В постановке молодого режиссера идет трагедия Вильяма Шекспира «Гамлет».

Мы встретились с Питером Бруком и попросили его рассказать о себе. Он охотно согласился:

— Мне 30 лет. Я родился в Лондоне, учился в Оксфорде. Русским языком стал заниматься в дни второй мировой войны, чтобы читать в подлиннике замечательные пьесы Чехова, которые мечтаю поставить.

Мой путь режиссера, быть может, и необычен. Я сознательно стремился работать в разных жанрах и видах искусства (театр, кино и т. п.). После двух лет работы над шекспировскими трагедиями и комедиями я поставил в лондонском театре Ковент-Гарден оперы — народную драму Мусоргского «Борис Годунов», «Богему» Пуччини. Позднее, осуществляя новые свои работы в Шекспировском мемориальном театре, я пытался успешно применять в них элементы яркой театральности, присущей оперному жанру. Пробовал я свои силы и в кино, где ставил фильм «Опера нищих», и в телевидении в Нью-Йорке — трагедией «Король Лир».

— Давно ли создана ваша нынешняя труппа?

— Всего два месяца.

В Англии немного театров с постоянной труппой. Обычно преобладающее большинство театров создается временно, на один сезон, для показа одной пьесы. Из таких театральных трупп и приглашают обычно исполнителей на определенные роли. Вот почему у меня был огромный выбор хороших актеров.

Мы сразу же приступили к репетициям «Гамлета». Репетировали целый месяц — днем и вечером. Премьеру показали в курортном городке Брайтоне, потом — в Оксфорде и Бирмингаме. Лондонцы увидят наш спектакль после москвичей.

— Не расскажете ли вы о своей работе над «Гамлетом»?

— Я преклоняюсь перед шекспировским гением. «Гамлет» — одна из вершин творчества великого английского драматурга. В коротком интервью нельзя подробно рассказать о том, как решаются в спектакле отдельные моменты трагедии «одинокого борца» — принца датского. В режиссерском решении я следую традициям крупнейших английских режиссеров, знатоков Шекспира — Грэнвилла Баркэра, Гордона Крэга, который, как известно, ставил «Гамлета» в Московском художественном театре.

Спектакль длится три-четыре часа, но в таком коротком отрезке конденсированы драматургом сама жизнь, бездонная глубина философской мысли, стремительно развивающиеся события.

Питер Брук оживляется, говорит темпераментно, увлеченно:

— Трагедия «Гамлет» насыщена страстями, действием и идеями, режиссеру остается лишь следить за мыслью ее великого создателя. Театральное прочтение этой трагедии должно быть предельно строгим, сдержанным и простым, с глубоким уважением к авторскому замыслу. В игре актеров я добиваюсь стремительного темпа, динамичности. Это не должно идти в ущерб замедлению в минуты раздумий и размышлений Гамлета, его прославленных монологов. Шекспир учил устами Гамлета, что даже в моменты страсти актер должен быть естественным: «Каждое нарушение меры отступает от назначения театра».

Французский художник Жорж Вакевич, оформлявший мои постановки — оперу «Борис Годунов», фильм «Опера нищих», трагедию «Король Лир»,— создал декорации к «Гамлету». Они просты и одновременно монументальны.

— Играете ли вы полностью шекспировский текст?

— Мы вынуждены были прибегнуть к некоторым сокращениям. Кроме того, мы прерываем пятиактную трагедию двумя антрактами, то есть фактически сводим ее к трем действиям, что увеличивает динамичность спектакля.

В заключение Питер Брук сказал:

— В Москве я хочу как можно больше увидеть. Каждый свободный вечер буду ходить в театр, смотреть драму, прославленный русский балет. В театре имени Моссовета я уже видел «Отелло», где заглавную роль интересно исполняет Мордвинов. Я давно мечтал побывать в Москве и горжусь, что мы — первая английская труппа, прибывшая в советскую столицу. Надеюсь, что наш приезд, как и выступления русских артистов в Англии, будет способствовать укреплению дружеских культурных связей между советским народом и народом Великобритании.

Т. КУЛАКОВСКАЯ

«Гамлет» В. Шекспира. Постановка Питера Брука. Гамлет — Пол Скофилд, королева Гертруда — Диана Уинард.

А. Ватто. КАПРИЗНИЦА

Выставка французского искусства

В залах Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина открылась выставка французского искусства XV—XX веков.

Во многих художественных музеях Советского Союза хранятся замечательные произведения французских художников. Сейчас наиболее значительные из этих произведений собраны вместе на выставке, являющейся самой крупной и полной из всех проводившихся у нас до сих пор.

Среди шедевров французских художников XVII века — «Семейство молочницы» Луи Ленена, картина поэтическая и правдивая, проникнутая глубоким уважением художника к людям из народа, и величественные полотна Никола Пуссена. Собрание картин гениального Пуссена выделено в отдельный зал. Среди его работ — знаменитые на весь мир полотна «Танкред и Эрминия», «Ринальдо и Армида». Великолепна «Капризница», небольшая картина Антуана Ватто, сверкающая, как драгоценность, блестящей живописью. Здесь весь Ватто, умный, слегка насмешливый наблюдатель, умеющий уловить тончайшие оттенки в отношениях между людьми.

Среди лучших произведений других художников XVIII века — «Поцелуй Геркулеса и Омфалы» Франсуа Буше и прелестные небольшие жанры Шардена, поэтичные и незатейливые, рассказывающие о жизни скромных и трудолюбивых людей. Здесь и «Паралитик» Греза, сентиментальный и назидательный, и «Поцелуй украдкой» Фрагонара, художника наблюдательного и остроумного.

Пафосом гражданственности отмечена картина родоначальника революционного классицизма во Франции Жака-Луи Давида «Андромаха, оплакивающая Гектора». К шедеврам выставки относится и портрет графа Гурьева, выполненный блестящим портретистом Энгром.

Среди работ художников XIX века выделяются «Этюд натурщика» Жерико и «Львиная охота в Марокко» Делакруа — двух наиболее крупных представителей прогрессивного романтизма во французском искусстве. Достаточно полно представлено на выставке творчество художника-демократа и революционера Оноре Домье. Особенно богатым оказался раздел картин художников Барбизонской школы.

Большое внимание зрителей привлекает искусство Франции XIX—XX веков — работы Родена, Эдуарда Манэ, Эдгара Дега, Огюста Ренуара, Клода Моне, Сезанна, Гогена, Матисса — и наших современников: представителя «нового реализма» Андре Фужерона, Бориса Таслицкого и художника-коммуниста, члена Всемирного Совета Мира Пабло Пикассо.

Экспозицию выставки венчает плакат Пикассо «Голубь мира», выпущенный к I Всемирному конгрессу сторонников мира в 1949 году. Этот плакат стал эмблемой борьбы за мир во всем мире.

А. АБРАМОВА

ШИРОКИМ ФРОНТОМ

И. ВАСИЛЕНКО

Из рассказов пенсионера

Рисунки Е. Горохова.

Однажды у самого нашего дома случилось происшествие: шла по тротуару с рынка старушка, несла кошелку, вдруг из-за угла выынырнул со звоном велосипедист и колесом врезался прямо в кошелку. Кошелка летит влево, старушка вправо, а велосипедист — грузный такой мужчина — валится со своим велосипедом на тротуар. Старушка кричит:

— Держите его, держите!

Мужчина поднялся, с опаской поглядел по сторонам и стал собирать рассыпавшиеся по тротуару бабушкины бублики. Собрал, положил в кошелку и говорит:

— Вот они, все тут. Не кричите понапрасну.

Потом сел на велосипед и поехал. И, можете себе представить, опять по тротуару!

С тех пор, как у нас стали настилать асфальтом тротуары, на них появились и вот такие велосипедисты. Я и раньше думал поговорить об этой глупой моде с кем-нибудь из руководящих товарищей, а тут окончательно решился. Повязал галстук, надел свой новый костюм и отправился в редакцию нашей городской газеты «Красный луч».

В кабинете редактора шла летучка, и мне пришлось подождать в передней часа два, пока за дверями наконец задвигали стульями. Вхожу в кабинет, а там так накурено, что еле разглядел сквозь дым редакторский стол и самого редактора.

— С чем пожаловали?— спрашивает он меня и глазами щупает мои карманы.

В редакции меня знали как заслуженного сталевара и не раз от меня информацию получали.

— Да вот потолковать пришел, товарищ Кретов. Карманы у меня пустые, ни заметки, ни статьи, хоть и не глядите, но в голове мыслишки кое-какие роятся.

— А... интересно!— сказал редактор и вздохнул: видно, после таких летучек поддерживать в себе интерес к беседе нелегко.

— Я насчет велосипедистов, что по новым тротуарам ездят... И вообще...

Редактор поморщился, и такое у него сразу стало скучное лицо.

— Насчет велосипеди-истов!..— протянул он.— Мы об этом уже заметку давали. Павел Филиппович, получили ответ от милиции?

— Как же, получили,— с готовностью ответил заведующий отделом писем.— Восемь человек оштрафовано. Только что толку! Вчера пришло письмо: почтальона с ног сшибли. А тот, кто сшиб, сорвал с велосипеда номер — и был таков.

— Ох, милиция, милиция!— сказал устало Кретов и потянулся рукой к телефону.

— Подождите,— перехватил я его руку.— Милиция милицией, а сами куда мы смотрим?..

— Семен Захарович, голубчик, да вас не милиция ли сюда подослала? — вдруг оживился Кретов.

— А как же, она самая! — отвечаю ему.— Да если хотите знать, я и сам работаю милиционером, зачислился на семьдесят втором году жизни. Только перед тем, как явиться сюда, весь сплошь переоделся в гражданское.

Все хохочут, а Павел Филиппович сказал:

— В самом деле! Я тут уже двенадцать лет сижу. Сколько за это время мы обязательных постановлений горсовета напечатали — не счесть! Помню, в одном из них предписывалось, чтобы в банях бесперебойно мыло и мочалки продавали. А наблюдать за выполнением этого поручалось горторготделу и милиции...

Тут уже засмеялся и сам Кретов.

— А не поручалось милиции следить, чтоб все в банях этими мочалками исправно терли себя?

Опять, конечно, хохот. Вместе со всеми смеялся и я. Потом встал и говорю:

— Этой шуточкой, товарищ редактор, вы мне вроде вексель выдали. И придется вам по этому векселю платить. Вот я скоро опять к вам приду.

Спустя немного времени я уже входил в комнату нашего управдома Раисы Петровны. Встретила она меня подозрительным взглядом поверх очков: уж не задумал ли этот старик-непоседа еще чего-нибудь такого, что оторвет ее от шитья модного платья на заказчицу? Я решил действовать осторожно и сразу своих карт не открывать.

— Ох-ох-ох!.. Жара какая стоит!.. — сказал я, присаживаясь на краешек стула.— А дождичка все нет и нет. Ничего, Раиса Петровна, продолжайте планировать свой штапель, я так зашел, мимоходом.

Раиса Петровна положила на материал ножницы и платочком вытерла свои круглые щеки.

— Да,— говорит,— жара действительно интенсивная. И не припомню такой за все свои пятьде... сорок шесть лет.

— Вот именно интенсивная,— поддакнул я ей, зная ее пристрастие к иностранным словам.— В комнате духота нестерпимая, а выйдешь на улицу — тут прямо на тебя велосипед прет.

— Что правда, то правда!— живо подхватила Раиса Петровна.— От этих диких велосипедистов у людей сплошная невропатология развивается.

— Так почему ж вы, Раиса Петровна, с этим не боретесь?— крикнул я, забыв про всякую осторожность.

У управдома даже очки подпрыгнули на носу:

— Я-а?!

— Да, — говорю,— вы. И не только вы, а еще Игорь Иванович, Дмитрий Дмитриевич... Да все мы, все!..

Раиса Петровна замахала на меня руками:

— Я так и думала, что вы с новой выдумкой пришли! Не-ет, это вы уж оставьте! Да какое ж мы имеем юридическое право! Да кто я вам — постовой милиционер, что ли?! Да что наш двор — районное отделение милиции? Да вы отдаете себе перспективный отчет в том, что вы предлагаете?!

Я дал ей высказаться, сколько ее душа желала, а потом тихонечко и сам сказал:

— Раиса Петровна, мы уже одержали с вами одну победу на культурном фронте — про то, как мы лампочку у ворот тушим и сознательность в себе развиваем, вся улица говорит и пример с нас берет,— так к лицу ли нам теперь безобразие, которое творится на наших глазах?

Она, конечно, свое, а я ей свое.

— Да вы объясните, какую я этим дикарям профилактику должна делать!— чуть не со слезами крикнула Раиса Петровна.— Под колесо бросаться, что ли? Так мне еще жить хочется!

Как она ни артачилась, а под конец все-таки со мной согласилась. Правду сказать, прославиться еще раз в хорошем деле ей тоже было небезинтересно.

Игоря Ивановича я застал за проверкой тетрадей. Сначала он слушал меня, не переставая подчеркивать и перечеркивать что-то красным карандашом, потом заинтересовался и заложил карандаш за ухо.

— Вот это вы правильно говорите,— сказал он одобрительно.— Канальи! По главной улице, небось, не ездят, там всюду милиция, а тут им раздолье. Ну что ж, Семен Захарович, будем бороться: завтра же в «Красный луч» заметку напишу. Безобразие! Не умеют расставить милиционеров, где следует. В одном месте густо, а в другом пусто.

— Заметка, Игорь Иванович, в газете уже была,— сказал я ему.— Дело не в заметке.

— А что ж я еще могу?— развел он руками.

— Да кто мы, Игорь Иванович, граждане или посторонние наблюдатели?

Учитель глянул на меня и заволновался.

— То есть как же вас понять?— Он даже заикнулся.—Ло... ловить их прикажете, что ли?..

— Зачем же, — говорю, — ловить? Можно попросить остановиться и потом сделать вежливое внушение.

Учитель заерзал на своем стуле.

— Гм... гм... Я его остановлю, а он меня... знаете, какими-нибудь словами... на улице, при народе. Нет уж, Семен Захарович, вы кого-нибудь побойчее вербуйте в свой заградительный отряд, а я, знаете... Да у меня и голоса не хватит для такой уличной перебранки.

Но тут меня неожиданно поддержала Ирина Васильевна, супруга учителя.

— Тоже мне мужчина! — сказала она из другой комнаты. — А хвастался, что в молодости на медведей с рогатиной ходил.

Учитель покраснел.

— Да ведь, милая, иной человек хуже медведя бывает. Впрочем, что ж, — расхрабрился он, — в свободное время я, пожалуй, готов с вами в компании, Семен Захарович... Что ж, я не отказываюсь. Пожалуйста, располагайте...

Потом побывал я у товарища Сагайдачного, слесаря с комбайнового завода, и у Дмитрия Дмитриевича, инженера с того же завода. Товарищ Сагайдачный сразу согласился, а Дмитрий Дмитриевич отказался наотрез:

— Голубчик, Семен Захарович, избавьте! Завод недовыполнил в прошлом месяце план, так сейчас нам не до велосипедистов.

Как-никак, а с десятком людей из нашего двора мне дотолковаться удалось.

И вот сидим мы на улице около нашего дома — Раиса Петровна, Игорь Иванович и я, а на улице рай земной: ласково греет солнышко, лопочут глянцево-зеленые с белым подбоем листья на тополях, чирикают наперебой воробьи, по гладкому, чистому тротуару молоденькая мамаша катит коляску, полную белых кружев и чего-то голубого и розового...

Вдруг в эту благодать резко врывается: дзинь, дзинь, дзинь! Люди расступаются, жмутся к стенкам домов, мамаша вздрагивает, озирается, готовясь всем телом оградить свою коляску, а велосипедист, парень лет семнадцати, знай нажимает на педали.

— Ну, — сказал я, — лиха беда — начало.

Мы все трое стали поперек тротуара.

— Молодой человек, остановитесь! — сказала Раиса Петровна и даже руку вытянула вперед.

Паренек затормозил, соскочил с велосипеда и удивленно воззрился на нас.

— Что такое?..

— Молодой человек, — вздрагивающим голосом начал Игорь Иванович, — зачем вы ездите по тротуару?

Паренек густо покраснел.

— Так разве ж я один!.. — И смущенно залепетал: — Что ж, я могу и по мостовой... Пожалуйста...

За пареньком съехала с тротуара на мостовую девушка, за девушкой — какой-то железнодорожник. Смущаются, неловко улыбаются. И никто даже не спрашивает, кто мы и по какому праву внушение им делаем.

Но вот показался еще один. Я его сразу узнал еще издали. И не столько по грузности (как только под ним шины не спускали!), сколько по самодовольному виду.

— Ну, — говорю, — Раиса Петровна, с этим будет разговор!

Раиса Петровна даже потуже косынку подвязала и так уперлась кулаками в бока, что стала похожа на букву «Ф». Мы с Игорем Ивановичем тотчас же стали по обе ее стороны.

Мужчина нахально зазвонил. Но мы и не подумали сдвинуться с места. И он с разгона врезался колесом в тополь. Дерево затряслось до самой верхушки. Мужчина вскочил и от ярости побагровел.

— Вы глухие?! У вас повылазило?! Что вы стали на дороге, как истуканы?!

Тут Игорь Иванович, который опасался, что у него на улице голоса не хватит, так гаркнул, что толстяк отшатнулся:

— На дороге?! Это вам дорога?! Это вам дорога, я вас спрашиваю?!

Конечно, я тоже кое-что сказал толстяку, но больше всех озадачила его Раиса Петровна.

— Вы, — сказала она, — не скандальте, а лучше присмотритесь к своему отражению на фоне общественного порядка. Вы пережиток, индивидуальная личность, перпендикулярно врезающаяся в общественную гармонию.

Вмиг собрался народ. Остроносая бабуся, расталкивая толпу, кричала:

— Да что вы на него смотрите?! Тащите его в милицию! Там ему, как из пушки, штраф влепят!

Толстяк засопел и ладонью прикрыл номер на велосипеде.

— Ага, номер прячешь! — наступала старушка. — Нет, ты лучше скажи, как твоя фамилия!

— Фамилия? — скривил рот толстяк. — А вы по какому праву спрашиваете? Вы кто? Поду-умаешь!..

— Кто? — подскочила к нему вплотную бабуся. — Не узнал? А у кого ты в пятницу бублики вышиб своим велосипедищем?.. Ага, заморгал глазами! Испугался!

Толстяк, кажется, и впрямь струсил, но тут же опять перешел на нахальство:

— Я тебя в глаза никогда не видел. А фамилия моя — Перепелкин, понятно? Иван Петрович Перепелкин. Иди жалуйся, сколько хочешь.

Сказал и стал выбираться с велосипедом из толпы.

Вдруг из калитки выходит Дмитрий Дмитриевич, тот самый Дмитрий Дмитриевич, который наотрез отказался заниматься такими делами, и говорит толстяку:

— С каких же пор, Сидор Матвеевич, вы стали Иваном Петровичем? — И, обращаясь к народу, объяснил: — Это Сидор Матвеевич Курдюков, товаровед с нашего комбайнового завода. Он хоть мне и сослуживец, но, видя такое его поведение, я должен прямо сказать...

Кругом так засмеялись, что, взглянув на Сидора Матвеевича, я невольно подумал: вот и веселая шутка, смех, а могут обжечь жарче огня.

Сидора Матвеевича мы никуда, конечно, не повели (у нас и прав таких нет), но объявили ему наш условный приговор: еще раз заметим, сообщим и в заводской комитет, и в «Красный луч», и даже в милицию.

Прошло недели две, и я опять явился к товарищу Кретову. Увидя меня, редактор обрадовался:

— А, Семен Захарович!.. Пожалуйте, пожалуйте! Пришли по векселю получить? Что ж, получайте. — И подает мне лист, пахнущий типографской краской. — Вот вам гранки, читайте.

Я скорей за очки. Подсел к окошку, читаю. Вот это да! Не заметка в десять строк, а целая статья в три столбца. И все о том, как народ чаще и чаще становится поперек дороги всякой бескультурности. Написал товарищ Кретов кое-что и про меня с Раисой Петровной, про весь наш дворовый коллектив. Лестно написал. Но это он уж от себя, я ему об этом не намекал...

МЕДВЕЖОНОК — НЕВЕЖА

Сказка для больших и маленьких

А. БАРТО

Рисунки А. Каневского.

Был сынок у маменьки —
Медвежонок маленький.
В маму был фигурою —
В медведицу бурую.

Уляжется медведица
Под деревом, в тени,
Сын рядом присоседится,
И так лежат они.

Он упадет — ах, бедненький! —
Его жалеет мать.
— Умнее в заповеднике
Ребенка не сыскать!

Сыночек дисциплины
Совсем не признает!
Нашел он мед пчелиный —
И грязной лапой в мед!

Мать твердит:
— Имей в виду,
Так нельзя
Хватать еду!
А он как начал чавкать!
Измазался в меду.

Мать за ним ухаживай,
Мучайся с сынком:
Мой его, приглаживай
Шерстку языком!

Родители беседуют —
Мешает он беседе.
Перебивать не следует
Взрослого медведя!

Вот он примчался к дому
И первый влез в берлогу,
Медведю пожилому
Не уступил дорогу.

Ужасно он воспитан!
Всю ночь ревет,
Не спит он!

Вчера пропал куда-то!
Мамаша сбилась с ног.
Взъерошенный, лохматый,
Пришел домой сынок
И заявляет маме:
— А я валялся в яме.

Он мать изводит просто!
Тут разве хватит сил?
Пошел сыночек в гости,
Хозяйку укусил,
А медвежат соседки
Столкнул с высокой ветки.

Медведица бурая
Три дня ходила хмурая,
Три дня горевала:
— Ах, какая дура я,
Сынка избаловала!

Советоваться к мужу
Медведица пошла:
— Сынок-то наш все хуже,
Не ладятся дела!

Не знает он приличий:
Он дом разрушил птичий!
Дерется он в кустах,
В общественных местах!

Отвечает ей медведь:
— А я при чем тут, женка?
Это мать должна уметь
Влиять на медвежонка!

Сынок — забота ваша,
На то вы и мамаша.

Но вот дошло и до того,
Что на медведя самого́,
На родного папу,
Миша поднял лапу!

Отец, сердито воя,
Отшлепал сорванца.
(Задело за живое,
Как видно, и отца!)

Взревел он что есть духу,
Дал сыну оплеуху.
— Хоть бить детей — не метод,
Но тут хорош и этот!

Всю ночь медведица скулит,
Так у нее душа болит...

Нелады в семье
Медвежьей,
Младший сын
Растет невежей!

Я знаю понаслышке,
И люди говорят,
Что такие мишки
Есть среди ребят...

Древнейший план Московского Кремля

Древнейшим чертежом Московского Кремля принято считать план, приложенный к сочинению австрийского посла Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московских делах», в Базельском издании 1556 года.

Однако этот план фантастичен и не дает правильного представления о Кремле XVI века.

Первым планом Кремля в большом масштабе, давшем подробное его описание, следует считать план, составленный по распоряжению Бориса Годунова приказными дьяками около 1597 года.

Оригинал годуновского плана Кремля, равно как и планы Москвы и других городов, пропал в период 1605—1613 годов, во время иностранной интервенции в Москве.

Однако спустя некоторое время в иностранных атласах стали появляться и план Москвы и план Кремля. Датой первой публикации планов Москвы и Кремля по годуновским оригиналам принято считать 1663 год, время выхода большого Атласа голландского издателя Блау.

Совсем недавно нам удалось обнаружить в фондах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина экземпляры этих планов, вносящих некоторые поправки и уточнения.

Особенный интерес представляет план Кремля, который мы и воспроизводим.

Вверху на середине в картуше стоит «Кремленаград». Правее плана — посвящение царю Михаилу Федоровичу и указатель зданий на латинском языке.

В известных до настоящего времени экземплярах этого плана посвящение было адресовано царю Алексею Михайловичу и не было никем подписано.

Считалось, что издатель Атласа заказал одному из своих мастеров-граверов сделать копию с попавшего в его руки оригинала плана и посвятил ее царю Алексею Михайловичу.

Публикуемый экземпляр говорит о том, что план и посвящение принадлежат граверу Гасселю Геритсу, известному по его карте европейской России, выпущенной в 1613 году. В углу этой карты Геритс поместил небольшой план Москвы.

Сравнение планов показывает, что публикуемый нами был сделан Геритсом раньше, так как в него не вошли позднейшие изменения, внесенные им в план на карте европейской России по данным плана Москвы, составленного в 1610 году по приказу Сигизмунда III.

Таким образом, найденную гравированную копию надо отнести к началу царствования Михаила Федоровича (1613 год), но сделана она несколько ранее, чем упомянутая карта России.

На плане, который вернее было бы назвать планом-панорамой, хорошо виден мост (внизу справа) через Неглинку[1], ведущий с Красной площади на Воскресенскую (ныне площадь Революции), а также Каменные торговые ряды, построенные в 1596 году, после пожара 1595 года, на том месте, где сейчас находится здание ГУМа.

Маленькие церковки на Красной площади, так называемые церкви на крови, строились в память происходивших на площади массовых казней.

С. КЛЕПИКОВ

[1] Речка Неглинка текла по теперешней Неглинной улице, пересекала площадь имени Свердлова и дальше текла по теперешнему Александровскому (Кремлевскому) саду и впадала в Москву-реку.

У загса.

Рисунки Ю. Узбякова.

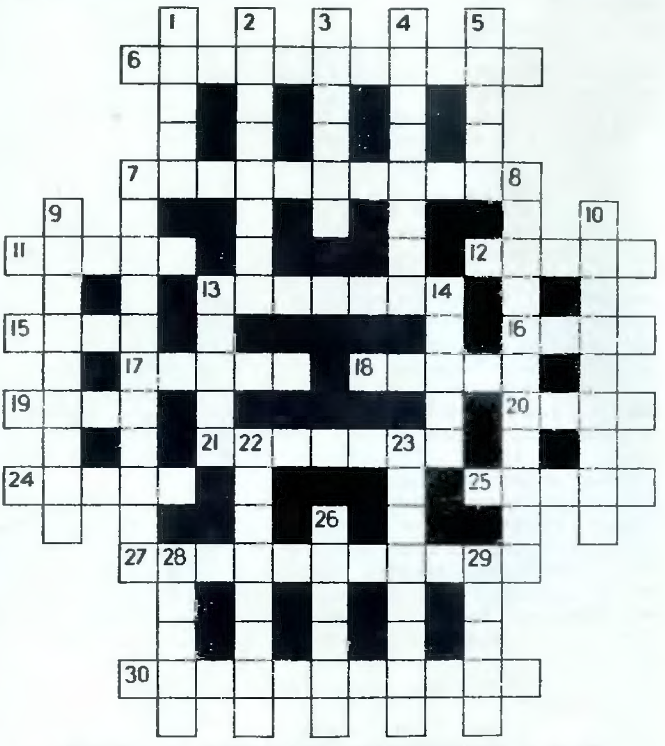
КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Наука. 7. Рабочий. 11. Планета. 12. Плодовое дерево. 13. Советский физик. 15. Устройство для включения в электрическую цепь. 16. Город во Франции. 17. Ледяная глыба. 18. Артерия. 19. Венгерский гроссмейстер. 20. Спортивное состязание. 21. Линия на географической карте. 24. Ученый. 25. Советский скульптор. 27. Народная артистка СССР. 30. Систематизация и объединение законов страны.

По вертикали:

1. Музыкальный лад. 2. Приток Днепра. 3. Пустыня в Африке. 4. Приспособление, используемое в текстильном производстве. 5. Бухта в море Лаптевых. 7. Журналист. 8. Талон, заменяющий билет. 9. Группа представителей. 10. Комедия Мольера. 13. Итальянский композитор. 14. Река в Польше. 22. Смысл. 23. Остров в Вест-Индии. 26. Автор, скрывающий свое имя. 28. Совокупность русел и котловин в Кара-Кумах. 29. Трикотажная ткань.



ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 47

По горизонтали:

5. Калиброметр. 8. Медь. 10. Кокс. 12. Сковорода. 14. Серов. 15. Оплот. 16. Планерист. 18. Шпонка. 19. Ограда. 20. Сылва. 21. Руслан. 22. Боцман. 23. Взвод. 25. Аммиак. 26. Тантал. 27. Агентство. 28. Анион. 29. Басон. 30. Короленко. 32. Юкка. 33. Слог. 34. Мотивировка.

По вертикали:

1. Вальс. 2. Диссонанс. 3. Смородина. 4. Этика. 6. Рекогносцировка. 7. Экспериментатор. 9. Мореплаватель. 11. Темперамент. 13. Конденсатор. 16. Палатка. 17. Торонто. 23. Внедрение. 24. Детонатор. 30. Каноэ. 31. Осака.

Решение шахматных этюдов-шуток (№ 45)

Героический конь

1. Kf5 — g7 + Kph5 — g4
2. Kg7 — e8!! ...

«Какой дерзкий конь?» — подумал Черный Король.— Придется с ним расправиться, иначе он мне объявит мат на f6».

2. ... Лh8 : e8 +
3. f7 : e8 — КОНЬ! ...

«Не двоится ли у меня в глазах, опять конь вырос на том же месте!»

3. ... Лd8 : e8 +
4. d7 : e8 — КОНЬ! ...

«Кажется, белые организовали на e8 конюшню!» — подумал Черный Король и сделал свой последний ход: Kpg4 — h5

5. Ke8 — f6x

Неожиданный выигрыш

Последний ход белых был пешкой:

1. d2 — d4 ...

Этот неосторожный ход дал возможность черным выиграть следующим образом:

1. ... e4 : d3 + !!
2. Фc2 : d3 Kg2 — f4 + ! (если: 2. Kp : d3, то Kg2 — e1 + !).
3. Kpe2 — f3 Kf4 : d3

Белые сдались, так как черная пешка легко проходит в ферзи.

В этом номере на вкладках: репродукции картин К. В. Лемоха «Новое знакомство», «Без кормильца», Н. П. Богданова-Бельского «У дверей школы», С. Ю. Жуковского «Пасмурный день», К. Я. Крыжицкого «Поле» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление Л. Шумана.

А 05671. Подп. к печ. 23/XI 1955 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 850 000. Изд. № 950. Заказ № 2982. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.